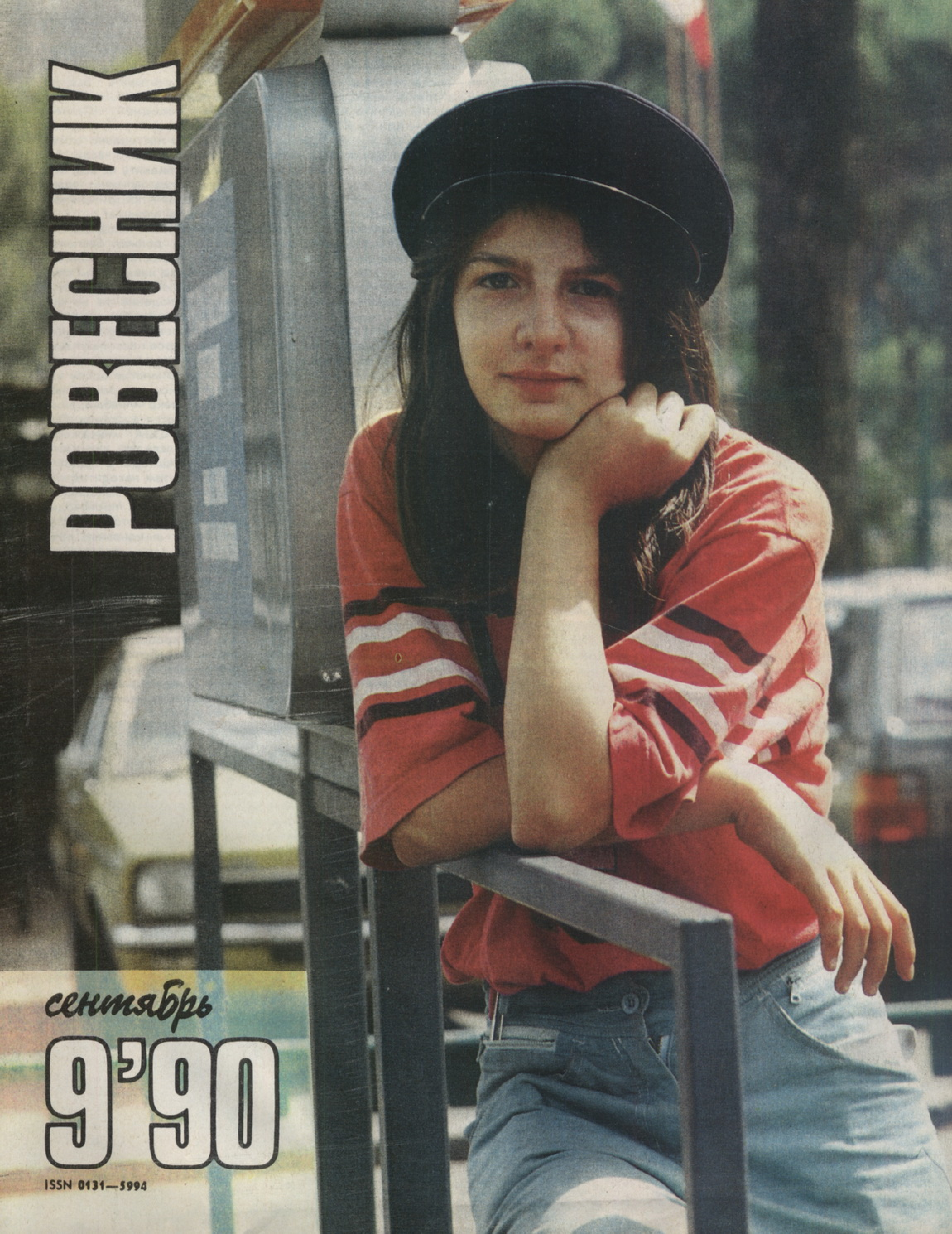

РОВЕСНИК

сентябрь

9'90

ISSN 0131—5994

Всемирный Молодежный Телеграф

НАГАНО. Что может сделать простой мальчишка или девчонка для спасения тропических лесов? Спросите Яиро Накаяма. Ему — 12, он возглавляет экологическое общество школьников в Нагано, Япония, которым уже удалось спасти 40 акров тропического леса в Коста-Рике. По дороге из школы домой дети собирают старые газеты и пустые жестяные банки, сдают их на завод по переработке вторичного сырья, а вырученные деньги плюс пожертвования родителей и соседей, посылаются ими на счет международной детской программы по спасению тропических лесов «Интернэшнл чилдренз рейн форестс прогрэмм». Суть программы — в покупке прав на сохранение нетронутыми участков тропического леса (что стоит примерно 50 долларов за акр). Программа родилась в Швеции, где 100 тысяч школьников решили помочь своему правительству дотациями на сохранение 160 тысяч акров коста-риканского леса. Подобную акцию провели и американские школьники.

ТОМАСВИЛЛ. В обеденное время в средней школе Томасвилла в Северной Каролине, США, мысли большинства школьников заняты пищей, разложенной по одноразовым пластиковым упаковкам-подносам. Однако Брайан Стайерс, шестнадцатилетний отличник Томасвилла, думает совсем о другом: его беспокоит, что эти одноразовые пластиковые подносики и стаканчики не подлежат переработке, день за днем заполняя местную свалку. Стайерс и дюжина его единомышленников стали приходить в столовую с принесенными из дома фарфоровыми тарелками и стеклянными стаканами. На них смотрели как на чудаков или сумасшедших, но они продолжали настаивать на своем. Ребята провели исследование, во сколько обойдется программа переработки пластиковой посуды и какой доход это может принести. Они обратились в местную печать, подали заявление администрации школы, представив свой проект переработки использованной школьной посуды,— и победили. Пластиковые подносы и стаканы были собраны в трех школах Томасвилла, упакованы в пластиковые мешки, погружены на транспортное судно и отправлены в Бруклин, где из них сделают линейки, изолирующие панели и подносы многоразового пользования.

ТОКИО. Йуко Тойода считала себя японкой: ведь она говорила на японском и ничем не отличалась от своих школьных подруг. Но вскоре после того, как она перешла в третий класс, родители открыли ей, что настоящее ее имя — Кан Ву Я и что она — кореянка. Ву Я удивилась, но не огорчилась и, придя в школу, обо всем рассказала подругам. Тут же некоторые из них перестали с ней дружить.

В Японии живут примерно 677 тысяч корейцев, в основном это люди, которые переехали сюда в период японской оккупации Корейского полуострова в 1910—1945 годах, но и теперь, почти полвека спустя, японцы относятся к ним как к существам второго сорта. Большинство корейцев взяло японские фамилии, те же, кто продолжает сохранять корейское гражданство, как правило, лишены возможности устройства на государственную службу, например, преподавателем в школе. Компании неохотно нанимают корейцев, родители не дают согласия на смешанный брак. Лишь в 80-х был отменен драконовский запрет на социальную помощь лицам корейской национальности, до недавнего времени корейцев обязывали всегда иметь при себе специальное удостоверение личности с отпечатками пальцев владельца. Правительство Сеула настояло на отмене этого унизительного закона: Японии приходится учитывать быстро растущую экономическую мощь соседней Южной Кореи. Да, дискриминационные меры постепенно отменяются, но даже если бы удалось отменить их все, кто знает, когда исчезнет главная беда — презрительное отношение японцев?

НЬЮ-ЙОРК. Менеджер, естественно, должен беспокоиться о качестве и количестве работы нанятого им служащего. В определенных случаях наблюдение за ее исполнением необходимо, и возможности современных компьютеров позволяют ему делать это, не выходя из кабинета. Но многие боссы заходят в таком контроле слишком далеко — наблюдение превращается в слежку. Повсюду в США менеджеры компаний следят, как часто работник выходит в туалет и как долго там находится; какова скорость выполнения задания; какова производительность (некоторые устанавливают ежедневные проверки и даже почасовые). Медсестер контролируют с помощью специального прибора, установленного на их поясах, который отмечает, сколько времени затрачивается на процедуру с пациентом. За работой водителей грузовиков наблюдение ведется с помощью компьютерного записывающего уст-

ройства, встроенного в двигатель, определяющего, сколько остановок и где сделал шофер. Горничные отелей набирают код комнаты, когда входят туда для уборки, и другой код — когда уходят оттуда, таким образом составляя на себя досье о работе за весь день. На экранах компьютеров служащих время от времени появляются предупреждения: «Вы работаете медленнее, чем коллега рядом с вами». Одна журналистка рассказывает: когда она села за редакционный компьютер и стала печатать статью, на экране появилась фраза: «Мне не нравится начало» — менеджер из своего кабинета наблюдал за ее работой с помощью центрального компьютера.

От подобного наблюдения многие работники испытывают стресс и неуверенность. Все чаще они подают в суд на своих работодателей, обвиняя тех в нарушении их права на личную жизнь.

УЭЛКОМ. Название города в ЮАР в Оранжевой провинции переводится как «Добро пожаловать», но в этом городе, где живет 54 тысячи белых и 150 тысяч черных,— совсем не гостеприимная атмосфера. Коммандос из крайне правой организации Африканер видерштандсбевегунг (Африканское движение сопротивления), одетые в военизированную форму с эмблемой, напоминающей фашистскую свастику, объявили священную войну реформам либерального правительства Де Клерка. По ночам расисты избивают жителей Уэлкома, а днем джипы, набитые вооруженными белыми, патрулируют улицы.

ГЛАЗГО. «Ура! Победа!» Футболисты «Калтона» обставили-таки «Хэгхилл». И все-таки суть победы «Калтона» не определяется количеством забитых мячей в ворота противника. Команда существует 4 года, за которые через нее прошло 350 ребят-наркоманов, 90 процентов игроков — безработные, у многих уже были судимости. «Мы имеем дело не с пай-мальчиками»,— говорит менеджер клуба Дейви, сам в прошлом наркоман.

Полное название футбольного клуба — Клуб реабилитационной атлетики Калтон. Он расположен в Ист-Энде, районе трущоб Глазго. Не все ребята, которые приходили сюда, выдержали режим тренировок, необходимость отказаться от наркотиков, но очень многим клуб помог найти силы вернуться к здоровому образу жизни.

ФАТЕХПУР. Когда молодожены Качки и Джанрадж шли вместе умыться к колодцу после работы, все жители деревни оборачивались на эту «пару лебедей»: он — сильный и стройный, она — красивая, с нежной кожей и мечтательными глазами. Местный землевладелец Арджун Сингх тоже обратил внимание на красоту молодой женщины. Однажды он подошел к ней, когда та обрезала колосья на поле, и предложил стать его любовницей. За это он обещал подарить ей двух волов. Джанрадж закричал на Сингха, чтобы тот оставил его жену в покое. В тот же день два племянника Сингха выволокли Джанраджа из его лачуги, облили бензином и подожгли. Утром он умер.

Случившаяся трагедия, как и вообще жестокое обращение с неприкасаемыми,— дело обычное. Джанрадж и его жена принадлежали именно к этой самой низшей и самой бесправной касте в Индии. Неприкасаемых — 128 миллионов, за 1989 год зарегистрировано 14 тысяч случаев зверского обращения, избиений, изнасилований, убийств неприкасаемых, но сколько таких преступлений на самом деле, никто не знает. Неприкасаемые не обращаются за помощью в полицию: от бесчинств полицейских у них и так много бед.

ЛОНДОН. Учителя одной из лондонских школ обратили внимание, что вдруг некоторые из их учащихся перестали есть завтраки. Выяснилось, что 4 хулигана отбирали деньги у учеников 7—11 лет. Эта классическая школьная проблема решалась своеобразным путем: дело было передано в школьный суд.

Такие суды действуют примерно в 30 английских школах. Трибунал из 5 человек — 2 избранных всей школой ученика, 2 школьника, назначенных администрацией, и учитель — допросил подозреваемых и вынес приговор: вернуть деньги, отобранные у учеников; сообщить о хулиганском поведении родителям виновных; рассадить хулиганов за разные столы в школьном кафе.

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: молодая итальянка. Подробности на стр. 4—5.

РОВЕСНИК '90

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 9 сентябрь

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем.

Сдано в набор 09.07.90. Подписано в печ. 08.08.90. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 975 000 экз. Цена 35 коп. Зак. 2149.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Смотрите:

Вы бывали в Италии? Я тоже нет — и тоже очень хотел бы там побывать. Какая она? Приехавшие оттуда рассказывают: о, Венеция! О, Колизей! О, итальянский темперамент! — желая удивить, стараются припомнить нечто такое, чего у нас нет. А вот фотокорреспондент Игорь Гаврилов не хочет удивлять, смотрите: Италия-то — обыкновенная. Вот домохозяйки случайно встретились на улице и судачат; идет бомж летом в пальто (все свое ношу с собой); будто на Арбате в Москве, художник рисует девушку; сидят себе, убивая время, две подружки; площадь похожа на Дворцовую, и шпиль как в Ленинграде, и туристы такие же... Может быть, фотограф прав: общего с заграницей у нас больше, чем различий!

В. ВЛАДИМИРОВ
Фото И. ГАВРИЛОВА

HYDRASAL
KIAIP'S

O'NEILL

Мы победили!

Микаэла РАДУЛЕСКУ,
румынская студентка

Казавшийся незыблемым режим Николае Чаушеску, правившего Румынией 24 года, рухнул в одну неделю. Несмотря на кровавую бойню, устроенную собственному народу силами безопасности Сикуритате, движение протеста подавить не удалось. Массовые волнения переросли в революцию. Мы предлагаем вашему вниманию рассказ непосредственной участницы тех событий, двадцатилетней румынской студентки Микаэлы Радулеску, опубликованный в итальянском журнале «Панорама».

Я спрашиваю себя, сможем ли когда-нибудь мы, люди, совершившие революцию с оружием в руках, осуществить наши мечты. Рядом со мной сражались мои ровесники: солдаты, студенты, рабочие. Знакомясь с ними, иногда я успевала узнать лишь имя, прежде чем они погибали от пуль агентов Сикуритате. Некоторые умирали у меня на руках. Я спрашиваю себя, какой страной становится сейчас Румыния, пережившая эти кровавые дни; я все боюсь, не возвращаются ли мало-помалу старое мышление и былые методы управления и не лишимся ли мы завоеванной свободы?

Я о многом мечтала до революции: например, о хорошем куске жареного мяса. Как и все ребята моего возраста, я мечтала и о паре американских джинсов. Но знаете, каким было мое самое заветное желание? Говорить обо всем без страха. Я думала, что оно невыполнимо. Я не имела возможности поступить на факультет журналистики: ни я, ни мои родители никогда не являлись членами компартии. И мне пришлось пойти на факультет спортивной медицины.

Мои папа и мама по профессии преподаватели; они зарабатывают соответственно 3000 и 2700 лей в месяц (в сумме это меньше 300 долларов по официальному курсу). У моих родителей скромная зарплата, но на эти деньги жить можно. Точнее сказать, можно выжить. Джинсы, о которых я мечтала, стоили — да и сейчас тоже — 1500 лей на черном рынке. И мама говорила мне, что для того, чтобы купить их, надо либо здорово экономить, либо одолжить эту сумму в банке.

Но в Румынии никому не удается экономить деньги. Все семьи имеют на своем попечении стариков, чьи пенсии настолько мизерны, что сами они не в состоянии себя прокормить, одеть и обуть. У нас говорят, что если в семье нет бабушки или дедушки, то надо их купить, то есть необходимо иметь на попечении хотя бы одного старика. Когда все в семье работают, кто, как не бабушка или дедушка, может встать в очередь в три (!) часа утра, чтобы потом принести домой что-нибудь из продуктов?

Когда два года назад я поступила в Бухаресте в университет, я могла бесплатно жить в общежитии. Но что это была за жизнь? Повсюду зловоние, облупленные стены. Спать приходи-

лось на сломанных раскладушках. И мои родители пожалели меня. Несмотря на ограниченность в деньгах, они предпочли, чтобы я жила вместе со своей подругой Кармен в маленькой квартирке, за что приходилось платить 400 лей в месяц.

В Бухаресте не было развлечений. В кино показывали лишь старые глупые французские или американские фильмы 50—60-х годов. Газеты нагоняли тоску. По телевидению весь день говорили только о Николае Чаушеску, о его жене Елене или о том, как нам хорошо живется в «золотую эпоху коммунизма». Все это противно было смотреть и слушать, и я, как и большая часть людей, слушала радио «Свободная Европа». Так я узнала о беспорядках в Тимишоаре.

На другой день вечером мне позвонил друг из Тимишоары. Он сказал: «Здесь идет война. Солдаты стреляют в манифестантов. Десятки людей убиты». Я очень удивилась, что он говорил об этом по телефону, который, как и любой другой в Румынии, безусловно, мог прослушиваться в Сикуритате. Поэтому я ответила, что его шутка мне кажется не очень удачной. Тогда он поднес трубку к открытому окну, и я услышала звуки пулеметных очередей и грохот идущих танков.

Через день я пошла в университет и там узнала от других студентов, что волнения начались также в Брашове и Сибиу. Мы решили тайно организовать манифестацию. Нам удалось собрать не более двухсот пятидесяти студентов. Мы вышли на площадь с единственным транспарантом, на котором было написано: «Тимишоара». К нам подошел какой-то военный и сказал: «Вы должны понимать: то, что вы делаете, опасно для вас и для ваших семей». И все сразу же разошлись.

В течение нескольких дней в Бухаресте ничего не происходило. Но атмосфера в городе была напряженной. Все знали, что в Тимишоаре солдаты и агенты Сикуритате вновь открыли огонь по толпе, убив десятки — говорили сто — человек. Знали, что Брашов — в руках восставших, а в Сибиу и Клуже идут бои. По телевидению говорили о «хулиганах», о «справедливом наказании тех, кого снабжали деньгами иностранные хозяева». 21 декабря Чаушеску организовал огромную манифестацию, которая должна была, по его замыслу, выступить в его поддержку. Под оглушительный свист он вышел к студентам и рабочим, которые скандировали «Тимишоара». В городе начались стихийные выступления. Сикуритате применила бронемашины, чтобы рассеять манифестантов. Вечером я вернулась домой, все думала, что же будет завтра.

И 22-го числа произошло чудо. Я это сразу же поняла, когда утром оказалась в метро. Поезда были переполнены, и все спешили в центр.

На Университетской площади примерно в ста метрах от передних рядов манифестантов стояли солдаты, их автоматы были направлены на нас, а позади них — бронемашины. По флангам — люди из Сикуритате со щитами из плексигласа. Шаг за шагом мы приблизились к военным, почти вплотную подошли к ним. Как и многие другие студенты, я начала разговаривать с солдатами. Я сказала одному из них: «Почему ты собираешься в нас стрелять? Мы так же молоды, как ты». Со стыдом этот солдат опустил автомат. Я увидела, что другие солдаты, разговаривавшие со студентами, делали то же самое. Мы все закричали: «Солдаты с нами, армия с нами!» И этот крик отозвался в задних рядах манифестантов тысячеголосым эхом. Люди из Сикуритате исчезли. Толпа направилась к дворцу, в котором располагался ЦК компартии и где находился Чаушеску. Столкновения начались почти сразу же. В одиннадцать часов Чаушеску со своей женой бежали на вертолете.

Около дворца Государственного Совета шло прямо-таки настоящее сражение. Я осторожно приблизилась. Молодой солдат, раненный в голову, упал прямо мне на руки. Он еще дышал. Кроме меня, рядом не было никого, кто мог бы ему помочь. Я заметила, что одна из дверей дворца приоткрыта. Я дотащила солдата до этой двери, надеясь, что кто-нибудь в здании сможет оказать ему медицинскую помощь.

Когда я вошла, я встретила там знакомую, ее зовут Вали, она преподает физику в школе. Здесь она перевязывала раненых. Вали сказала: «Я видела, как ты стреляла в тире. Возьми оружие и оставайся с нами». Я рассказала полковнику, который руководил бойцами, кто я, кто меня послал к нему и почему я хочу получить оружие. Он вручил мне револьвер в обмен на мое студенческое удостоверение.

Кругом царила полнейшая неразбериха. Никто толком не знал, что надо делать. Была только одна ясная цель: стрелять в людей Сикуритате, находившихся внутри маленькой церквушки, расположенной на другой стороне улицы.

На первом этаже дворца я обнаружила какую-то закрытую дверь. Пистолетом сбила замок. Я сделала шаг внутрь и остолбенела. Там находились архивы секретных служб страны. В этот момент я поняла, почему Сикуритате так старается захватить здание.

О своей находке я доложила полковнику. Я сказала, что мне нужны вооруженные бойцы для охраны этой комнаты. Он дал мне шесть солдат. Не знаю, как это получилось, но я направо и налево стала отдавать приказания всем, кто попадался мне на глаза, посылать людей с одного этажа здания на другой для укрепления обороны; я приказала закрыть все возможные бреши в здании сверху донизу. Короче говоря, я командовала. Я даже подсчитала, сколько людей у меня в распоряжении. Записала их имена на листок. Их было восемьдесят два человека.

Прошла ночь, наступил следующий день. Мы отбивали атаки Сикуритате, которые велись со всех сторон. Самой тяжелой была ночь с 23-го на 24 декабря, когда эти фанатики Чаушеску предприняли отчаянное наступление: кто-то из людей Сикуритате сумел отключить ток в здании, все погрузилось в темноту. И в этот момент через парадный вход вошел какой-то человек, закричавший: «Да здравствует Чаушеску!» Это вызвало среди нас сильную панику. Все открыли беспорядочный огонь. Ужас в том, что стреляли, по существу, друг в друга. Было убито четырнадцать человек.

Когда революция победила, новое правительство вручило мне что-то вроде диплома, в котором говорится, что с 22-го по 27 декабря я участвовала в революционной борьбе. И ничего больше. Еще я храню тот самый листок, в котором имена восьмидесяти двух бойцов. Пятьдесят три из них погибли — все примерно моего возраста.

Во время революции я поняла, что, в конце концов, не так уж важно, полон ли желудок и есть ли у тебя джинсы. Главное, что все мы получили наконец право считать себя людьми. Мы обязаны были добиться этого и добились.

Перевел Г. КУДИНОВ

Знаменитый американский публицист Стадс Теркел — давний друг «Ровесника». Мы не раз публиковали отрывки из таких его произведений, как «Работа», «Американская мечта, потерянная и найденная», «Хорошая война»; встречались у нас в редакции. Теркел много путешествует по США, беседует с самыми разными людьми, записывает их рассказы о себе — так рождаются его книги-исповеди о реальной жизни Америки. Они буквально перевернули представления многих американцев о том, какие они на самом деле. Сегодня мы знакомим вас с новой книгой Стадса Теркела «Великий раскол». Мы выбрали из нее те отрывки, в которых говорится о ваших сверстниках, читатель.

«В моем понимании великий раскол означает нечто большее, чем все углубляющееся противостояние между имущими, малоимущими и неимущими,— пишет автор в примечании к своей книге.— Это раскол нации, который порой, может показаться, уменьшается, но он увеличивается — независимо от уровней благосостояния наших граждан. Это раскол веры: противостояние Цезаря, берущего то, что принадлежит ему по праву сильного, и бога, чье духовное богатство неподвластно силе. Это раскол, отделивший всех нас друг от друга, возможно, и от себя самих. Это раскол между прошлым и настоящим».

Стадс ТЕРКЕЛ,
американский публицист

Улетела синяя птица

Среднему человеку сегодня известно куда больше фактов об окружающей действительности, чем Ньютону, но ирония в том, что, обладая большей информацией (чаще всего тривиальной), мы знаем меньше правды. Правды о себе и о других...

Цель, которую я поставил при написании этой книги,— не искать новых фактов в сегодняшней жизни американцев, не собирать их в единую картину, чтобы потом сказать: вот — Америка. Если честно, сделать это было бы очень несложно. Я подозреваю, что такую задачу можно было бы решить при помощи компьютера. Те, кто занимается социологическими опросами, делают это каждый день.

Скорее меня вдохновляла лирика псалма в исполнении Махалии Джексон, услышанного мной сорок лет назад: «Копни чуть глубже». Я помню ту пластинку на 78 оборотов, даже шипение иглы граммофона; как слова сливались с музыкой и как вдруг от услышанного перехватывало дыхание. То, о чем пела Махалия, возможно, и сейчас чувствует большинство людей независимо от их политических убеждений; хотя это чувство неопределенно, невыраженно, запрятано глубоко; некая невысказанная правда.

Когда мы думаем о прошлом — будь то Великая депрессия[1], уроки которой, очевидно, забыты, или вторая мировая война, которую у нас часто склонны видеть лишь под углом геройства американцев,— память очевидца, словно прорванный шлюз, выплескивает поток воспоминаний.

Когда мы думаем о настоящем, память — на замке, как ни прискорбно, особенно у молодежи. «Я поражен отсутствием исторической памяти у студентов моего курса — любого курса. Эти молодые люди не являются детьми ядерного века, скорее они — его внуки, рожденные четверть века спустя после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Им не довелось жить в те времена, когда ядерного оружия еще не было. И теперь от своих студентов я могу услышать: «Что толку беспокоиться?» — говорит преподаватель истории в лютеранском колледже «Конкордиа» в Остине, Техас.

И все-таки, несмотря на столь неутешительную сводку с образовательного фронта, можно заметить робкое изменение в обстановке на пороге 90-х. Курс по истории войны во Вьетнаме — один из самых популярных среди студентов. Учитель русской истории и литературы в одном крупном университете на Среднем Западе рассказывал, что на его занятиях из-за нехватки мест большинству студентов приходится стоять. Наш знаменитый экономист Джон Кеннет Гэлбрайт утверждал, что его студенты — самые смышленые из всех, какие у него когда-либо были.

Я не стал бы строить иллюзий, однако мне хочется надеяться, что появляются новые дети. Они не похожи ни на своих сверстников 60-х, ни на юных роботов 80-х; они не настолько неуправляемы, как первые, и не настолько тепличны, как вторые. Они более склонны к компромиссам, но, возможно, и к размышлению.

Из этого нового племени я встретил всего двоих. Ему — 15, ей — 19. Их социальное положение — как разные планеты; он — из средних слоев, она — из рабочей семьи. Они незнакомы друг с другом. «Удивительно, каким циничным можно стать к 15 годам,— рассуждает он.— И все-таки иногда меня охватывает приступ идеализма и хочется выйти на демонстрацию протеста». Она: «Мои родители всегда предпочитали плыть по течению. Но я стала задумываться, почему мы так живем. Стоит заглянуть в прошлое, чтобы увидеть причины происходящего сегодня...»

Заявить, что за ними — будущее, к сожалению, было бы преждевременно. Так невелико их число по сравнению с толпой рукоплещущих Рэмбо. И все же они могут выражать нечто присущее и другим, нечто, сейчас еще не вошедшее в моду и потому скрытое от глаз, нечто «позорное» — сострадание. Нечто крамольное — надежду.

В колледже в Литтл-Роке студенты заявили о жертвах СПИДа: «Они заслужили смерть». Но на просмотре фильма о тех, кого они только что приговорили, они плакали, пряча слезы. Их жестокосердие учитель объяснил тем, что его студенты уверены в неотвратимости всемирной катастрофы: «Как я обнаружил, если отсутствует надежда, отсутствует и сострадание. Что толку переживать?» Но почему тогда они плакали?

За три года работы над книгой этот вопрос стал для меня самым тревожным. Дети, оплакивающие тех, кого

они прокляли. Возможно, тут кроется еще не обнаруженная опасность. Как заметил один из философов (правда, в совершенно ином контексте), природа предательства самого себя заключается в веровании в то, во что не веришь. Может быть, тут кроется «наша маленькая грязная тайна».

В начале 20-х в Америке не ощущалось нехватки надежды. То было время великих ожиданий. Сколько тогда мне было лет? 8 или 9, когда я посмотрел немой фильм «Быстро стань богатым, Уаллингфорд». Из тех фильмов, что скоро забываются, но с незабываемой темой: добиться успеха. Быстро. Рынок стремительно рос, гуси летали выше орлов, и все на Уолл-стрите было замечательно.

15 лет спустя другой восьмилетний мальчишка, Джонни, закроет занавес пьески про благополучие: «Я не обвиняю никого лично, па, но что-то где-то неправильно». Это говорит герой рассказа Уильяма Сарояна «Мое сердце в горах» тоже с незабываемой темой: Великая депрессия.

58 лет спустя, в 1987 году, когда новое поколение уаллингфордов быстро обогащалось, Уолл-стрит поразил очередной кризис. Вопрос, заданный восьмилетним Джонни, по-прежнему висел в воздухе. Что-то где-то, несомненно, неправильно.

Син Келли. Ему 27. Он из средней американской семьи, три года назад начал преподавать в университете в Боулинг-Грин, штат Огайо.

Мне тогда было 24. Всего на несколько лет больше, чем моим студентам. Они прозвали меня «Профессором Келли».

В моем классе учились очень хорошие (по результатам тестов) студенты, всего 28 человек. Я спросил их: «Если США объявит войну, скажем, Никарагуа, кто из вас в тот же день пойдет воевать?» Все, кроме двоих, заявили, что сразу отправились бы на призывной пункт. Я продолжал: «Знаете ли вы, против кого бы мы стали воевать? Какую бы сторону поддержали?» Знали только двое. Остальные 26 не знали.

Они настолько привыкли плыть по течению, не создавать волн, что готовы плыть куда угодно, пусть даже их могут убить ради чего-то, чего они не понимают. Или они убьют не тех, кого нужно.

Они не сомневаются в правдивости рекламы армейской службы. Для них армия — это фотографии электронно-вычислительных служб командных центров и клипы о прогулках американских солдат по Риму.

Большинство моих студентов готовится в менеджеры и инженеры. Им очень интересно, как много денег они смогут зарабатывать и что на них смогут купить. Им непонятны люди, которым нравится профессия учителя.

Беспокоит даже не их невежество, а их согласие на невежество. Общепринято не знать серьезных вещей. А те, кто все-таки хочет знать, для них скучны — этакий тип зануды на вечеринке, от которого нужно потактичнее избавиться. Мне кажется, такое отношение воспитано средствами массовой информации: быть невеждой — нормально. Если главное — владеть дорогим автомобилем и быть элегантно одетым, кто станет слушать чьи-то рассуждения о Латинской Америке?

Однажды я присутствовал при такой сценке. Мой коллега наставлял студентов: «вы должны думать, беспокоиться». На что один из слушавших взорвался: «А зачем нам думать?» В конце концов и так существует все для того, чтобы добиться успеха.

Я предложил тему из истории нашей войны во Вьетнаме — побоище в Сонгми и лейтенант Келли [2], который всю свою жизнь подчинялся. Я предоставил им доводы обеих сторон — и обвинения, и защиты,— чтобы они смогли составить собственное мнение. За неподчинение приказам во время боевых действий тебя могут расстрелять. С другой стороны, любой рассудительный человек знает, что нельзя убивать сотни невинных, безоружных людей. Я пытался завязать дискуссию: «Кто из вас считает, что Келли следует признать виновным?» Несколько человек подняли руки, следом еще несколько, и вскоре — все подняли руки. Виновен. В течение нескольких минут я приводил доводы другой стороны и наконец снова спросил: «А теперь, что вы думаете? Кто считает, что Келли не виноват?» Все подняли руки.

Я разозлился и еще несколько минут разъяснял доводы первой стороны. И снова всех убедил. Виновен. Я старался вовлечь их в дискуссию. Их мнение менялось четыре или пять раз. Я был в отчаянии. Они пытались уловить, что думает учитель, так как в классе учитель олицетворяет власть, которой они должны подчиняться. Я расстроился: я их унижал, но это на них не подействовало.

Я попробовал еще один тест на подчинение. Я попросил милейшую, добрейшую девушку в классе на время покинуть аудиторию. Остальным я сказал: «Ваше задание — написать самое гадкое, что вы о ней думаете. Ваша оценка будет зависеть от того, насколько вам удастся унизить, оскорбить ее. Два самых удачных сочинения будут зачитаны ей вслух в классе. Тем, кто напишет неудовлетворительные работы, придется их переписать. Кто готов приступить?» Все были готовы. Без вопросов. Никто не отказался.

Я спросил их: почему? Они сказали: «Мы хотим получить хорошие оценки». Никто не сказал: «Да ты спятил. Это невозможно». Их нравственность осталась непотревоженной. Никто из них не подумал: это унизит девушку, моя оценка того не стоит. Все было просто: о'кэй, раз так хочет учитель.

В прошлом семестре одна из моих студенток написала в сочинении, что Адольф Гитлер в действительности был миролюбивым человеком, который хотел одного — чтобы его оставили в покое и он мог бы решить проблемы Германии — это ее слова. Я подумал, боже мой,— неонацистка в 18 лет. Но еще в больший ужас я пришел, когда узнал, что ей, в сущности, было все равно, как писать. Просто она не так поняла задание.

Перед окончанием урока я каждый раз предлагаю студентам задавать вопросы. Если вопросов нет, они имеют возможность на несколько минут раньше покинуть класс. Но одна девушка все-таки постоянно задавала вопросы — ее ненавидел весь класс. Едва она поднимала руку, все поворачивались к ней, закатывали глаза и крутили головами: опять она! Она постоянно со мной спорила. Дело не в том, что класс во всем соглашался со мной, просто всем хотелось как можно быстрее уйти.

Правда, время от времени случается что-нибудь такое, что дает мне маленькую надежду. Например, во время моего урока, посвященного Сонгми. Все отмалчивались за исключением двух парней, прославлявших военных: «Келли делал то, что положено. Те, убитые, возможно, помогали партизанам». Я не спорил с ними, надеясь, что это сделает кто-нибудь из студентов.

Вдруг одна робкая, тихая девушка, которая за весь семестр не сказала ни слова, вскочила посреди класса и закричала: «Какая чушь!» Эта тихоня так и набросилась на двух здоровых парней. Класс замер. Она покраснела. Она не могла поверить, что отважилась на такое. Я рассмеялся, следом засмеялась она, и тут уже все остальные. Все в порядке, раз учитель смеется.

Но для меня главное, что она разбила эту комфортную скорлупу, это удобство быть тихой и незаметной.

Тодд Матингли. Ему 19 лет. Он стипендиат в престижной подготовительной школе.

Меня только что приняли в университет Массачусетса на филологический факультет. Мне пригодится гуманитарное образование. Вообще-то я собираюсь заняться бизнесом, но прежде хочу получить широкие познания в литературе. Это поможет мне в деловых операциях. Заводить контакты с людьми легче, когда ты способен воспринимать точки зрения разных людей. Легче понять, что они хотят.

Если бы у меня была цель, то какая? Хм... быть независимым и богатым к 27 годам. Я буду все еще достаточно молодым, чтобы уметь наслаждаться жизнью, искать приключения, например, отправиться на плоту по Амазонке или что-то в этом роде. Но я буду и достаточно взрослым для ответственных решений.

Сейчас лето, и я занят сразу на двух работах. Каждое лето я нанимаюсь на прогулочное судно. Тут встречаешь массу людей. Это полезно. Я начинаю лучше понимать человеческую натуру.

Вторая моя работа такая: у меня соб-

ственное доходное дело. Ювелирные украшения. Никаких драгоценностей: ни драгоценных металлов, ни драгоценных камней. Просто симпатичные побрякушки. Я продаю их туристам на Кейп-Код. Я ориентируюсь на обычных средних людей. Подхожу к ним и говорю: «Извините, у меня создалось впечатление, что вы бы не отказались сделать себе подарок. Подарите себе эти прекрасные украшения».

Я специализируюсь на автобусных турах. Едва схожу на причал, как обязательно встречаю туристов этого типа. У всех женщин крашеные голубые волосы, а на мужчинах полиестровые пиджаки. Эти купят все, что угодно.

Первый закон торговли — быть очень вежливым и дружелюбным, не наседать на покупателя. И он сам клюнет на крючок. А едва вы вовлекли его в разговор, говорите: «О'кэй, для вас у меня есть нечто особенное». Я получаю хорошую прибыль, а покупатель — нечто особенное.

Я занялся торговлей благодаря маме. Она сама участвует в бизнесе ювелирных украшений. Она предложила: «Почему бы тебе не продавать украшения у себя в школе?» А я сделал и следующий шаг. Я подумал: почему бы не заниматься этим не только в школе?

Впервые я занялся бизнесом, когда мне было семь лет. Я даже помню, как это было. Я купил маленькие игрушечные ружья на батарейках и продал их в школе. Сначала я собирался продать по той же цене, по которой сам купил в магазине, но потом подумал: я могу получить прибыль. Уровень прибыли был невысок (смеется).

Марк Бекер. Ему семнадцать, учится в частной школе в Нью-Йорке. Он капитан школьной бейсбольной команды. Он же капитан хоккейной и математической сборных школы. В городской математической олимпиаде его команда заняла первое место.

Я возглавляю финансовый фонд учащихся нашей школы. У моего отца своя фирма на Уолл-стрите, думаю, именно там я приобрел знания о финансовой деятельности. Мне нравится быть в офисе отца. Меня всегда интересовала его деятельность. Дома, за ужином, я задавал отцу множество вопросов. Постепенно, к семнадцати годам, я действительно понял, что к чему.

Но настоящий финансовый опыт я получил, лишь став председателем нашего бизнес-клуба, когда мне исполнилось четырнадцать. Мы назвали его КИБ (Клуб инвестиционного бизнеса), как в настоящей фирме. Мы составили финансовый годовой отчет (он демонстрирует аккуратную брошюру: цифры, схемы, таблицы). Мы имеем 135 инвеститоров. Мы делаем деньги.

Деньги, с которых мы начали, мы попросту выложили из собственных карманов. Мы ввели систему долевого участия. Каждый получил свою долю акций. Когда я стал председателем, я сказал: «Мы должны привлечь новых инвеститоров с целью увеличить наш оборотный капитал. Мы начинали с 1600 долларов, сейчас у нас — 8000».

Поначалу администрация школы возражала против того, чтобы группа детей основала в школе собственную компанию. Но когда все увидели, как успешно действует наше предприятие, и поняли его образовательное значение для учащихся, мы получили всестороннюю поддержку. В нашей школе нет курсов по бизнесу или экономике, так что наша фирма стала хорошей тому заменой.

Мы купили акции компании «Юнион Карбайд». Ее дела как раз начали поправляться — после того инцидента в Бхопале [3]. Цены на акции были невысоки. Через три недели цены на них подскочили. Тогда мы их продали. Очень важно знать, когда продать.

Мы были в курсе общественного мнения относительно «Юнион Карбайд». Но компания начинала вставать на ноги, и мы подумали, что не стоит упускать выгодную сделку.

Меня не волнуют деньги. Никто из нас, в сущности, не нуждается в деньгах, которые мы делаем. Мы все из богатых семей. Главное мое достижение от участия в финансовом фонде совсем не в том, что я сделал деньги, а в том, что мне удалось возглавить 135 человек и организовать их. Я принял вызов и победил.

Ларри Моран. Он свалился на меня словно пришелец из другого мира — беспокойный, растерянный. Ему 22.

Я был интеллектуально развитым ребенком, восемь лет учился в иезуитском колледже. Мозги у меня были промыты что надо. Я из обычной семьи, мои родители всегда нуждались. Поэтому сразу после колледжа я пошел работать на биржу.

Это противоестественно, что после восьми лет изучения философии, искусства, замечательных идей, приходится зарабатывать на жизнь. Я не знаю, что мне делать с моим дипломом по философии.

Я попросту на побегушках на сельскохозяйственной бирже, где торгуют зерном, контрактами на закупку пшеницы, будущим. Там покупается не реальная продукция — а лишь обещание ее получить. Моя работа бессмысленна. Я передаю приказ биржевому агенту от человека, который получил приказ от другого человека по телефону. Я не ценю свою работу. Но если выбираешь профессию, она должна отвечать твоим ценностям. Там, на бирже, очень многие делают большие деньги. Деньги и мне нужны. Но во мне нет интереса к биржевой деятельности и потому работа мучительна.

Я хочу делать деньги. Как хочет того большинство людей. Я думал: если попаду сюда и быстро пройду курс финансового обучения, если буду упорно трудиться, то вскоре получу состояние и смогу жить так, как захочу. Потому что в нашем обществе деньги — это сила, свобода. Но в тебе должна быть определенная вера в то, что ты делаешь, чтобы выполнять всю эту работу. Не подумайте, что я корчу из себя моралиста, но такая работа не по мне. Я ощущаю в себе потребность к более интеллектуальному занятию. А здесь от меня требуется только одно: предугадать, вверх или вниз пойдут цены. Если ты делаешь деньги, ты отнимаешь их у другого. Кто кого — такова их культура. Чем бы я хотел заниматься? Не знаю. В этом моя проблема.

Я ощущаю себя на краю пропасти и пытаюсь выработать новый подход к жизни, который удержал бы меня наверху. Глупо стоять на краю пропасти, пытаясь приобрести убеждения, которые для остальных давно воспринимаются как должное.

Когда я впервые пришел в колледж, я встретил там одного парня. В общежитии на стене его комнаты висел плакат: богатый человек стоит около «роллс-ройса», внизу написано: «А беднякам — шиш». Я был в шоке. Такая бесчувственность к людям, вынужденным бороться за кусок хлеба!

В то же время я могу представить себя человеком, делающим деньги, медленно карабкающимся наверх к должности директора фирмы, забывшим о борьбе и о тех людях, что продолжают бороться.

Но меня не покидает беспокойство. Я беспокоюсь даже не о том, смогу ли сделать сто тысяч за год. Это не так важно в 22 года. Я вижу, как борются мои близкие, я вижу, что весь Чикаго полон такими же борющимися людьми. Я каждый день вижу их в вагонах метро. Необходимо найти баланс между собственной материальной защищенностью и твоим желанием помочь другим людям. Вот что меня грызет. Я ощущаю, будто хочу сделать нечто такое, что сделать невозможно.

Рано или поздно я понимаю, мне придется занять какую-то позицию. В то же время я сознательно покупаю консервативные и либеральные газеты, стараясь увидеть события с различных углов зрения. Но это не помогает. Я в растерянности.

Я только что подал заявление об уходе. Следующая неделя — последняя неделя моей работы на бирже. Я не мог им объяснить, почему ухожу. Я просто сказал, что мне не нравится такая работа. Мне ответили: «Что ж, каждому свое».

Перевел с английского В. СИМОНОВ

---

[1] *Экономический кризис в США в 1929—1933 годах.*

[2] *Жители вьетнамской деревни Сонгми были уничтожены взводом солдат под командой лейтенанта Уильяма Келли. О побоище стало известно американской общественности, над Келли состоялся суд. Суд принял оправдательное решение.*

[3] *Катастрофа на химическом предприятии «Юнион Карбайд» в индийском городе Бхопал привела к гибели тысяч индийцев.*

У живущего на необъятных просторах чувство «края земли» утрачено. По широкой тенистой улице большого города шагаем к набережной.

— Видишь, во-он макушки тополей? Сколько до них?

— Ну, минут двадцать. Это ж километра полтора!

Шутка срабатывает почти безотказно. А через десяток шагов ты с изумлением понимаешь, как обманчива эта близость. Шеренга пирамидальных красавцев — это даже не просто другой берег — другой мир.

Наш Благовещенск и китайский Хэйхэ — через реку. Смотришь в хороший бинокль, как в фильмоскоп — дремлющие у пристани посудины, вывески с иероглифами, фигурки людей, черепичные крыши. И нет чувства реальности происходящего там. Уж не сказки ли старых амурчан — воспоминания о том, как запросто плавали туда на лодках за покупками или в гости? Как уже в пятидесятые возили с того берега больных на срочную операцию, выручали соседей в наводнения. А под Новый год ставили на льду посреди реки наряженную елку.

На три последних десятилетия материализованным символом отношений двух берегов стал гигантский пограничный забор на тысячи километров вдоль Амура. Я еще застал это грозное сооружение, рядом с которым человек чувствовал себя пленником на собственном берегу. Между тем выросло целое поколение, не ведавшее о той праздничной колючей елке, но привыкшее к колючей проволоке. Оно уже не знало вкуса китайских ананасов, но впитало в себя тревоги начала семидесятых, притерпелось к обыденности патрулей и пограничных вышек.

А. КАБАННИКОВ

Легко ли быть коммерсантом?

А заглядываясь с набережной на краешек чужой жизни, наверное, подспудно спрашивало себя: а в чем все-таки смысл человеческого развития, если в итоге векового соседства близкий для деда берег стал для внука чем-то вроде чужой планеты?

И вот теперь забора не стало.

Самые первые контакты несколько лет назад шли на уровне маленьких делегаций из двух-трех функционеров, навещавших соседей по торжественным случаям. Летом — на пограничном катере, зимой — пешком по льду. Однажды к ноябрьским праздникам случился казус. Плавать в это время по Амуру уже нельзя, а ходить еще нельзя — межсезонье. Требовался вертолет, а для него полагалось запросить «коридор». Однако по каким-то там причинам инстанции «коридора» не дали. И дорогие китайские гости летели самолетом, потом ехали поездом и, покрыв тысячу с лишним километров, добрались-таки в точку, видимую из окон их кабинетов невооруженным глазом.

Сегодня этот некогда драматичный эпизод предстает уже чем-то вроде забавного анекдота. «Если вдруг у меня дела в Хэйхэ,— рассказывал мне преподаватель местного мединститута А. Г. Кудрин,— и все это совпадает с семинаром, то я даю студентам самостоятельную работу. И еду туда, в больницу. Через пару часов возвращаюсь и проверяю задание».

Нежданно-негаданно стал Благовещенск «интуристским» городом. Примерно семь тысяч его жителей впервые в жизни ступили в прошлом году на китайский берег. И столько же китайцев побывали на нашем. В городе уже привыкли к группкам этих празднично, но чуть старомодно одетых людей, с детскими велосипедами и кастрюлями под мышками, с любопытством посматривающих вокруг из-под полей купленных в местном универмаге шляп.

Амуртурист одним из первых в регионе оценил новую ситуацию и на глазах превращается из заурядной конторы в благополучную фирму. Телефакс и телефон без диска на столе его генерального директора Г. Н. Трушина — прямая связь с тем берегом. С помощью соседей на берегу Амура поднялась новая девятиэтажная гостиница. Китайцы открывают в ней свой ресторан, магазин сувениров, фотоателье. Разрабатываются маршруты в глубь Китая, есть намерение арендовать само-

лет. А прошлым летом в свадебное путешествие на тот берег отправились двадцать пар молодоженов.

Теплоход причаливал к пристани Хэйхэ. Я посмотрел на часы — наше путешествие длилось чуть более получаса. «Близкий сосед лучше дальнего родственника»,— примерно так звучало в устах улыбчивого переводчика «добро пожаловать» на китайский манер. Я слышал эту пословицу и раньше. Но только здесь, на чужом берегу, стал понемногу постигать практический смысл, который вкладывают в эти слова китайцы. Мы выбирались с территории порта, лавируя между штабелями бревен, аккуратными горками из мешков с цементом и удобрениями, маркировка на которых не оставляла сомнения в их нашенском происхождении. Потом потянулись тряские одноэтажные улочки города, многолюдье удивительно приветливых пешеходов, витрины лавок с вывесками... на русском языке! Путь наш лежал на выставку экспортных товаров. Три зала роскошной гостиницы «Дружба» были заполнены отличного качества ширпотребом — от традиционных китайских безделушек до видео, персональных компьютеров и лицензионных мотоциклов «хонда». Но зачем понадобилось полусотне фирм из далекой южной провинции Гуанчжоу тащить все это в маленький северный городок? «У нас тут впервые появилась возможность вступить с вами в прямые контакты, все это — ради вас»,— подтвердил мои робкие предположения один из хозяев.

— Понимаешь, в чем дело,— бизнесмен из Шанхая Чен Гопин говорил на хорошем русском, забавно смягчая шипящие,— я получаю от своих дальних родственников пять открыток в год, и это все. Соседа же вижу каждый день, мы обсуждаем новости и иногда ужинаем семьями. Сообща следим за порядком в доме, помогаем друг другу и даже вместе ведем некоторые дела. Это, конечно, если сосед хороший...

Чен Гопин открыл отделение своей фирмы в Харбине, сейчас достраивает офис в Хэйхэ. Зачем ему китайский крайний север? Уникальное географическое положение Хэйхэ и Благовещенска с его выходом на Транссиб обещает превратить их в скором будущем в главные перевалочные базы советско-китайской торговли. Добавим к этому все более благоприятный политический климат, огромный потенциал сотрудничества партнеров, разбуженную реформой предприимчивость китайцев, которым сегодня уже есть что продать и которые не держат в своем словаре слова «спекулянт», а с русского переводят его исключительно как «посредник». Поэтому десятки торговых компаний и фирм из глубины страны пометили красным карандашом на своих деловых картах небольшой городок на севере и высаживают тут свои десанты.

Что же наш берег? Летом 1987 года председатель облпотребсоюза Владимир Александрович Пашутский обменял цемент на китайские арбузы. Поторговавшись с соседями три дня, он ударил кепкой о палубу баржи и открыл тем самым для амурчан эру прямых внешнеторговых связей. В списке партнеров Китая к сегодняшнему дню чуть не полсотни местных предприятий и организаций.

Честное слово, не пожалел бы красок, чтобы описать выставку их экспортных товаров. Но, увы, такой выставки нет. А если даже и была бы, то ярких красок тут, пожалуй, и не потребовалось. Ее легко представить в виде огромного складского помещения, под крышу заваленного лесом, металлом, цементом, удобрениями... Таков товар области на 98 процентов.

Первые же месяцы сделок напрямую выявили то, чего, в общем-то, и следовало ожидать: торговать область не умела. Обученный распределять чиновник впервые столкнулся с реальным и совершенно неизвестным ему рынком. Попытки действовать

наобум, немедленно подмеченные партнерами, вылились в соревнование между нашими же ведомствами за то, кто дешевле продаст и дороже купит. Китайские видеокассеты, к примеру, пошли за восьмикратную цену!

В довершение ко всему обнаружились невероятные в условиях нормальной экономики, но вполне объяснимые при отсутствии внутреннего рынка и наличии ведомственного произвола, вещи. Нет в магазинах области элементарных стройматериалов — но груженные ими баржи идут на тот берег. Вожделенной мечтой стал кусок хозяйственного мыла, а управление торговли продает на сторону 180 тонн моющих средств. Как заметил один местный остряк, область стала торговать собою. И ладно бы амурчанин в результате щеголял в пуховке и объедался цитрусовыми. Но ширпотреб с того берега едва заметным ручейком впадает в море здешнего дефицита. Тем временем на складах области купленное за счет этих поставок промышленное оборудование на два с половиной миллиона рублей лежит без движения. Везет область за Амур цемент, чтобы в скором времени купить — что бы вы думали? Его же, но уже в Корее. Какая уж тут стратегия...

Громом, хотя и среди изрядно сгустившихся туч, прогремело в этих местах постановление Совмина СССР за номером 203. Обязательное централизованное лицензирование экспорта изрядно ограничивало маневр многим по-настоящему предприимчивым людям, но должно было внести хоть какой-то порядок в действия хлебнув-

ших свободы ведомств. Теперь требовалось обосновать каждую поставку перед лицом административной, но более компетентной и лишенной местнических мотивов инстанции, задававшей соискателям лицензии каверзные вопросы: что за товар? Откуда? Нет ли в этом сырье нужды на месте? А как обоснована сделка экономически?

И тут со всей очевидностью обозначилась вторая реалия: торговать области было нечем.

В облагропроме я случайно стал свидетелем небольшого совещания. Прямо на столе стоял новенький бутылочный ящик из голубого пластика, который собравшиеся похлопывали по бокам и пробовали на прочность.

Ящик был хорош. На том берегу ждала партия из ста тысяч точно таких же. Китайцы под заказ развернули специальное производство. Теперь в агропроме мучительно думали: чем же за все это заплатить?

И если бы только за это! Многотысячные долги за областью еще по прошлогодним контрактам. Речной порт завален сырьем, но в лицензиях на его отправку теперь отказано. В ответ на 400 видов товаров, предлагаемых китайским берегом, наш берег набирает едва ли четыре десятка. Да и те — привозные, фондовые, которых и для самих себя не хватает...

Да, можно сколько угодно радоваться первому баскетбольному турниру на том берегу и умиляться общему детскому празднику на этом. Но вот вопрос: а когда уляжется любопытство, сопровождающее всякое знакомство, поладят ли всерьез ставшие вновь близкими соседи, если один из них предприимчив и деловит, а другой — необязателен и неразворотлив?

Все было бы, наверное, гораздо понятнее, если бы описываемая ситуация имела место где-нибудь на советско-финской границе. Но за рекой лежала страна, решающая для себя во многом сходные с нашими проблемы. Страна с гораздо более бедным населением, рынок которой для нас неизмеримо доступнее западного. Почему же это они выдвигают фирмы на север, посылают свои выставки в Благовещенск, ловят за рукав ступающих на их берег наших хозяйственников, готовые предложить им буквально любой товар? Почему ничего подобного нет на этом берегу?

«Владимир Александрович,— спросил я у Пашутского,— а вы лично заинтересованы развивать партнерство с тем берегом?» Он не сразу понял вопрос: «...Ах, так вы имеете в виду мою зарплату? Ну, в общем-то, прямой связи тут нет». Это говорил человек, который торгует с заграницей в общей сложности на 50 миллионов.

Стройная система полной незаинтересованности противостоит напору государственных торговых компаний и фирм Китая, в которых каждый живет, что называется, от процента с оборота. Впрочем, наш директор еще может и в загранкомандировку съездить, и потихоньку распределить на свой лад часть закупленного дефицита. Но что заставит шевелиться подчиненных ему «коммерсантов» на окладе?

Правда, есть реальные стимулы торговать с другим берегом у новых образований — кооперативов, центров НТТМ. Но они еще слабы, да к тому же местные «гиганты» их не особенно подпускают. Сделать это на уровне области не очень трудно. Можно намекнуть там, за рекой, что иных партнеров не потерпят. Можно договориться с инстанциями и утопить любую сделку в формальностях. Ну а посредничать, то есть сбывать товар из глубины страны, чем активно заняты китайцы, нашим кооперативам запрещено вообще. Ей-богу, есть во всем этом какая-то логика: выпусти их туда, а они в скором времени наглядно покажут твою собственную несостоятельность!

Было бы, конечно, несправедливо валить все беды на область. Просто при соприкосновении двух миров общие пороки всего нашего хозяйственного механизма выступили здесь еще контрастнее и резче. И тем яснее обозначилась пагубность топтания на месте рядом с шагающим вперед соседом, который еще недавно в представлении многих заслуживал лишь вежливого снисхождения. Амурчане чему-то учатся: стали появляться толковые кадры, зарождаются новые внешнеторговые структуры, поговаривают о любопытных проектах на будущее. Но совершенно ясно: серьезное продвижение вперед будет напрямую зависеть от хода всей экономической реформы, которая должна дать региону хозяйственную самостоятельность, а людям — реальные стимулы и простор для предприимчивости.

— Но и этого нам недостаточно,— убежден член-корреспондент АН СССР В. Г. Моисеенко, возглавляющий Амурский комплексный научно-исследовательский институт.— Надо же использовать то уникальное положение, в котором мы находимся. У нас ресурсы сырья, на том берегу — в избытке рабочие руки. Объединив усилия и создав необходимую инфраструктуру, мы могли бы привлечь сюда значительные капиталы и из других стран. Так что напрашивается комплексное решение — создание зон свободного предпринимательства, в том числе и на БАМе.

Валентин Григорьевич много лет возглавляет местное отделение общества советско-китайской дружбы. Я, собственно, и заглянул к нему потолковать об этой дружбе, а он — про предпринимательство: «А как вы думали? Я давно для себя вывел закономерность — нас наиболее радушно встречают именно там, где мы хорошо сотрудничали в пятидесятые».

Вернемся ли мы к былой дружбе? Можно сказать определенно: нет. К тому помпезно-плакатному братанию, которое можно провозгласить из центра в один день и так же отменить в одночасье, возврата не ожидается. У нынешнего соседства хорошие основы — взаимные симпатии двух народов, сегодняшние нормальные человеческие отношения. Но то лишь прелюдия. Настоящую дружбу нельзя ввести на этом основании указом. Она должна сложиться, вырасти снизу, связать два берега так, чтобы соседи уже не смогли обходиться друг без друга в самом что ни на есть практическом смысле этих слов. А церемонии, объятия, хороводы — приложится.

Потому, радуясь поездкам на лодках, надо всерьез думать про мост.

Фото В. КОРНЮШИНА

Ты мне, зеркальце, скажи...

Уильям А. ГЕНРИ III,
американский
журналист

Предлагаемая вашему вниманию статья американского журналиста посвящена в основном одной теме — возможностям ТВ. Телевидение США с его более чем полувековой историей, круглосуточно работающими десятками каналов, огромной и преданной ему аудиторией дает богатый материал для размышлений и выводов. Их не перенесешь автоматически на монопольную систему нашего телевещания, но и не заметить мы не можем, что Гостелерадио с упорством, достойным лучшего применения, и какой-то обреченностью перенимает отнюдь не одни только достижения западных коллег. Кстати, у американцев действительно многому можно поучиться и в том числе тому, как избежать чужих ошибок.

Какое открытие в наибольшей степени повлияло на ход истории? Огонь — первое, что приходит в голову. Некоторые, наверное, назовут колесо, другие — алфавит и, как следствие, печатный станок. Однако предположение, что такое вредное изобретение, как Ящик Для Идиотов, Электронная Нянька, Электронаркотик, может претендовать на место в одной компании с выше перечисленными экспонатами, выглядит по меньшей мере кощунством. В таком случае эволюцию человека следовало бы представить как восхождение от обезьяны к проросшей картошке. Тем не менее всего лишь за полстолетия, минувшие с того момента, как на Всемирной ярмарке 1939 года Эн-би-си начала регулярное телевещание на Соединенные Штаты, ТВ распространило свое влияние на человечество гораздо шире и быстрее, чем все предыдущие изобретения. Как, впрочем, и куда более глубоким оказалось его влияние на формирование образа жизни, человеческих взаимоотношений, структуры управления и даже на понимание цивилизации.

Едва успев появиться на свет, телевидение сразу же начало оказывать влияние на политику, стремясь направить общественное мнение в русло диалога и сотрудничества. Оно объединяет нас в минуты скорби, будь то убийство Джона Леннона или катастрофа «Челленджера», и в минуты радости (спасенный ребенок, освобождение заложников, душ из шампанского в раздевалке победителей). Оно дает возможность почувствовать себя в центре событий и, как ни странно, достигает цели: незримое присутствие миллионов зрителей придает любому событию размах и значимость.

Телевидение ускорило темп жизни, спрессовав в месяцы, недели и даже дни путь от безвестности до сверхпопулярности. Оно формирует мифы, переписывает историю и само является средством, с помощью которого нация познает себя. Из разнообразных сериалов с участием звезд оно предлагает на выбор десятки незамысловатых сюжетов на служебную или семейную тему, сотни эрзац-друзей, которые в большинстве случаев выглядят реальнее, или, по крайней мере, человечнее, чем привычные друзья или знакомые. Телевидение способствовало сплочению американской нации, предлагая зрителям от Мэна до Монтерея одинаковый набор развлечений вечером и одинаковые темы для обсуждений поутру.

Благодаря телевидению в дома американцев ворвалась борьба за гражданские права, а вслед за ней — война во Вьетнаме, сексуальная революция, движение феминисток и перевороты на Ближнем Востоке. Оно не просто бесстрастно отражает, но является активной силой социальных перемен, так как смогло обратить борьбу в индивидуальное состязание, в котором зритель ощущает себя непосредственным участником. Благодаря камере и ее возможности добираться, минуя разум, до самых глубин души ТВ сделало людей в массе намного отзывчивее к бедам других, будь то землетрясение в Армении, отравление диоксином на Таймс-бич или трагедия китов, попавших в ледяной плен на Аляске. ТВ в каждом событии стремится найти героя: отважная стюардесса, спасшая пассажиров захваченного террористами самолета, гордый старик, наотрез отказавшийся покинуть дом даже под угрозой извержения вулкана. В то же время телевидение в значительной степени способствовало распространению скептицизма, развеяв символическую и ритуальную ауру, окружавшую до сих пор лидеров церкви и государства, показав телепоколению самое человечное, что есть у людей — их пороки.

Феномен «паблисити», тщательно подогреваемый ТВ, если не сказать — созданный им, породил забавное определение «знаменитости» как человека, известного уже хотя бы потому, что он известен. Телевидение уравняло в мозгу обывателя и политического лидера, и человека искусства, и ведущего телешоу, и популярного диктора, все они — знаменитости. Оно превратило серьезнейшее дело выбора лидера нации в состязание видеоличностей (с ключами от ядерных арсеналов в качестве приза).

Заполучив кабинет, вчерашние кандидаты начинают смотреть на телеви-

дение как на лавочку, через которую можно выгодно продать собственный товар, возбудив общественный интерес и симпатию к определенным темам. В результате мы выиграли в демократии в ущерб решительности, крупномасштабности мышления при непременном условии успешного управления государственными делами — и никто уже не решается пренебречь сиюминутной популярностью ради заслуженного уважения потом. Телевидение, по сути дела, превратило американскую политику в одну бесконечную предвыборную кампанию. Телевидение подчеркивает «привлекательные» стороны политиков, внешние данные и бойкость языка больше, чем мудрость. Однако, не желая поддерживать мифологизацию лидеров, в которых нетрудно рассмотреть выскочек, большая часть американской телеаудитории в последнее время просто вышла из игры — перестала голосовать.

Феномен зрительской аудитории — явление поистине интернациональное. ТВ занимает центральное место в политической, культурной и экономической жизни Советского Союза, дополнительный стимул оно получило благодаря политике гласности, начатой Михаилом Горбачевым. Его образ настолько точно соответствует представлениям о политике, которые культивируют средства массовой информации, что некоторые советологи полагают, что Горбачеву не удалось бы завоевать и удержать власть без помощи телевидения. Китай медленно, но уверенно следует в том же направлении.

Наилучшим подтверждением того, насколько кардинально телевидение изменило мир, служат разговоры людей. Теперь в политике, торжествах, стихийных бедствиях или боевых действиях их не столько интересует само событие, сколько — каким образом оно подано на экране. Телеизображение стало реальностью, причем не только для непосредственных участников, но и для телезрителей. Любое событие, представляющее маломальский интерес, будь то Олимпийские игры, национальный съезд партии, деревенская ярмарка или демонстрация протеста, позже перекраивается, чтобы как можно эффектнее выглядеть на экране. В конце концов получается так, что если какое-либо событие не было освещено на телеэкране, организаторы считают его неудавшимся. И, обратите внимание: все чаще и чаще зрители предпочитают в событии не участвовать, а сидеть дома у экрана. И верно: на стадионе глазу недостает немедленного повтора острого момента, в театре — крупного плана, на параде — панорамного вида. С колыбели телевидение учит нас сначала смотреть, и только затем — чувствовать. Оно приучает ожидать событие уже отобранным, разжеванным, проанализированным, поданным с наиболее выгодной точки зрения, и, таким образом, принимать за сырой материал то, что на деле является переработанным продуктом, результатом коллективного творчества. И еще один любопытный момент: у любой передачи множество авторов, если здесь вообще уместно говорить об авторстве. Тем не менее присутствие ТВ настолько ощутимо, что действительно кажется, будто оно обладает разумом и даже личностью. И если бы телевидение действительно обладало личностью, его следовало бы причислить к категории закадычных друзей.

Средний американец смотрит телик около четырех часов в день; в средней семье телевизор работает по семь часов в сутки. Даже люди, которые утверждают, что они-де «смотрят совсем немного», забывают упомянуть о местных новостях или спортивных передачах, или о Мистере Роджерсе с малышами, или о старых картинах, или о чем-то другом, что они не считают «настоящим» телевидением. Тогда откуда это чувство вины у большинства телезрителей? Не оттого ли, что, несмотря на привязанность к ТВ, они считают сидение перед ящиком пустым времяпрепровождением, заменяющим спорт, чтение, беседу или учебу?

На деле же ТВ может предоставить уйму учебного материала, и не только в специальных передачах. У студентов наших колледжей, конечно, могут возникнуть сложности с отысканием на карте Южной Америки, зато благодаря ТВ они твердо усвоили основополагающие максимы цивилизации. Те же ученые мужи, которые находятся в откровенной оппозиции к телевидению, никогда не упустят случая выступить в передаче, предвкушая, как удивятся их знакомые. Похоже, что добрая половина национальной элиты следует по крайней мере второй половине афоризма Гора Видала: «В жизни есть две вещи, от которых невозможно отказаться. Первая — секс, вторая — телевидение».

С точки зрения рекламы телевидение зарекомендовало себя идеальным средством купли-продажи всех времен и народов. А в последнее время превращается чуть ли не в сплошной рекламный ролик самого понятия потребления. Но наиболее ощутимый и, пожалуй, наиболее неприглядный вклад в разжигание страстей ТВ сделало в спорте. Телевидение и спорт настолько тесно переплелись между собой, что теперь уже трудно вспомнить время, когда не было немедленного повтора. За определенную мзду практически любой вид спорта готов подстроиться под требования телекамеры и расписание подачи рекламы — ввести дополнительные тайм-ауты, перекроить график игр, даже изменить правила. Что уж говорить, если вся Южная Корея на время Олимпийских игр перевела часы для того, чтобы Америка смогла смотреть передачи в прямом эфире!

Но сила ТВ заключается не столько в изменении спортивной, коммерческой или любой другой сферы жизни, сколько в глубоком воздействии внешне безобидными зрелищами на способ мышления. ТВ способно реставрировать старые и порождать новые мифы. Популярные телеперсонажи становятся носителями моральных качеств не менее глубоких, чем персонажи Мольера или Ибсена, причем доступны они несравнимо более широкой публике. Телеперсонажи надолго остаются в памяти в первую очередь потому, что в сжатом виде отражают черты национального духа. Они становятся эталонами поведения и нравственности. Они у всех на устах. В отличие от театра или кино телесериалы не имеют ярко выраженного финала. Действие развивается медленно, как в жизни, действующие лица приходят снова и снова, неделя за неделей, их характеры обрастают новыми деталями, пока не становятся более реальными, чем близкие или друзья: телевидение настолько тесно сближается с реальностью, что для некоторых чувствительных натур едва ли отличимо от самой жизни.

Трудно представить себе жизнь без телевидения, еще труднее предугадать, в каком направлении пошло бы развитие общества без первых мерцающих картинок, показанных по Энби-си, и того, что за этим последовало. Возможно, в нашем обществе было бы меньше насилия, если бы средний ребенок до достижения зрелого возраста не успевал бы просмотреть десятки тысяч настоящих актов насилия в последних новостях и разыгранных в фильмах. Возможно, это было бы общество, в котором народ относился бы с уважением к социальным институтам и собственным лидерам. Возможно, мы были бы более здоровым обществом, в котором дети предпочитали бы играть на улице, чем просиживать часами дома. Возможно, мы жили бы в более пуританском обществе, в котором приветствовалась бы целомудренность и прочные браки и где на добрачные связи и разводы смотрели бы скорее осуждающе, чем сочувственно. Во всех этих и многих других грехах обвиняют телевидение и, следует признать, не без основания. Но тогда стоило бы признать и то, что без телевидения жизнь наша была бы более пресной, а граждане не были бы настолько широко информированы в вопросах экономики, медицины, не были бы так хорошо осведомлены о военных авантюрах, угрожающих миру. Возможно, мы имели бы более черствое общество, в котором голод в Эфиопии не привел бы к организации международной помощи, а бездомные Манхаттана или Чикаго остались бы неизвестными остальной части нации.

Одно можно сказать точно. Каким бы ни был мир без телевидения, он непредсказуемо и сильно отличался бы от того, в котором мы живем.

Перевел с английского
А. АНТОМОНОВ

Ozzy Osbourne

L

«LAWNMOWER DETH» («Лонмоуэр дет»), группа «Крушение газонокосилки» образовалась в 1988 г. в Великобритании.

Состав: Куолкаст Мьютилейтор, вок.; Мистер Флаймо, уд,; Конкорд Фейс Риппер, гит.; Шитзо Роутери Спринтмастер, гит.; Майтимау Деструкшнмау, бас.

Стилистически эта группа, безусловно, относится к трэш-метал, однако концертные выступления «Л.д.» дают основания говорить об очень тонкой пародии на группы, являющиеся сегодня лидерами трэш- и хард кор-метал. В рамках этой пародии музыканты выступают под псевдонимами и категорически отказываются сообщать свои настоящие имена.

Некоторый музыкальный опыт имеет лишь основатель «Л.д.» барабанщик М. Флаймо — до этого он играл в малоизвестной гр. «Scrawm». Собравшись в начале 1988 г., музыканты довольно быстро записали материал для дебютного альб., однако пл. вышла лишь через год. Как говорят музыканты, они не претендуют на «вселенскую славу» и относятся к своему творчеству с изрядной долей иронии, что редкость для столь «серьезного» жанра.

В музыкальном плане манера «Л.д.» несколько напоминает стиль амер. группы «Testament», прослеживается также влияние «Spinal Tap», «Bad News», «Venom» и «Bathory», но в текстовом отношении группа шагнула гораздо дальше, переведя трэш-метал в несколько неожиданный ракурс. На эту идею работают и концерты «Л.д.», во время которых музыканты позволяют публике подниматься на сцену и играть вместе с ними. Несмотря на определенные исполнительные промахи, «Л.д.» вполне можно считать родоначальниками нового направления тяжелого рока.

Пл.: Mower Liberation Front, 1989; Oooh, Crikey, 1990.

«LEATHERWOLF» («Ледервулф»), группа «Злодей, затянутый в кожу» образовалась в 1982 г. в США.

Состав: Джеффри Гейер, гит., вок.; Кэри Хау, гит.; Майкл Оливьери, вок., гит.; Пол Кармен, бас; Дин Робертс, уд.

Эта калифорнийская группа начинала с исполнения жестких аранжировок песен «Creedence Clearwater Revival». (В то время вокалистом «Л». был Дж. Гейерс, а М. Оливьери играл на клавишных.) Гр. много гастролировала в амер. глубинке.

Музыкантов заметили представители фирмы «Айленд рекордз», и гр. получила контракт на запись дебютного альб., который вышел в начале 1988 г.

Музыканты не отрицают, что на стиль группы оказали влияние такие столпы рока, как «Led Zeppelin», «Iron Maiden» и «Sword», однако гр. сумела сохранить (или приобрести!) собственное лицо, что выгодно отличает ее среди множества коллективов, работающих в стиле «power metal» (буквально переводить этот термин не имеет смысла, в целом же он означает «динамичный, мощный хард-рок, нечто среднее между хард-энд-хэви и спид-метал»).

В процессе подготовки второго альб. произошел ряд перестановок внутри гр., и весной 1989 г. вышел второй альб. «Л.».

Сейчас «Л.» нисколько не похожи на ту группу, которая начинала восемь лет назад — гитарную «связку» Гейер — Хау в последнее время сравнивают с инструментальным тандемом «Iron Maiden», а ритм-секция группы — одна из лучших в амер. пауэр-метал. Предельная жесткость саунда «Л.» привлекает на концерты и поклонников трэш-метал, чем могут похвастаться лишь немногие исполнители, работающие вне этого стиля.

Пл.: Wolfman, 1984 (EP); Leatherwolf, 1988; Street Ready, 1989.

«LED ZEPPELIN» («Лед зеппелин»), группа «Свинцовый дирижабль» образовалась в 1968 г. в Великобритании.

Состав: Джимми Пейдж (полное имя Джеймс Патрик Пейдж), гит.; Роберт Плант (полное имя Роберт Энтони Плант), вок., гармоника; Джон Пол Джонс (настоящее имя Джон Болдуин), бас, клав., вок.; Джон «Бонзо» Бонхэм, уд.

После распада известной англ. группы «Yardbirds» ее гитарист Дж. Пейдж собирает новую группу, чтобы провести гастроли, запланированные по контракту «Yardbirds». В состав гр. вошел Дж. П. Джонс, игравший с Пейджем в «Yardbirds» (одно время, после выхода из состава Джеффа Бекка, он был вторым гитаристом). Этот музыкант имел солидное прошлое: в качестве сейшнмена он работал с «Роллинг стоунз», «Кинкс», Дасти Спрингфилд, «Лулу» (у всех — как пианист), входил в состав группы Джета Харриса и Тони Миана (бас-гитара). Сам Пейдж работал с «Роллинг стоунз», «Кинкс», «The Who», играл с группой Джорджа Фейма. К ним присоединились барабанщик из Бирмингема Дж. Бонхэм и бывший вокалист группы «Band Of Joy» Р. Плант.

Под названием «New Yardbirds» («Новые ярдбердз») музыканты провели гастроли в Швеции и Финляндии; позже менеджер группы Питер Грант по совету барабанщика «The Who» Кейта Муна предложил название «Л.з.» (искаженное от «Lead», т.е. «покрытый свинцом»). Грант сумел получить выгодный контракт с амер. фирмой «Этлэнтик», и в конце 1968 г. группа выпустила первый альб., записанный всего за сутки с небольшим. В феврале 1969 г. «Л.з.» провели гастроли по США (выступая перед гр. «Vanilla Fudge»); в это же время их диск попал в Top 10, затем стал «золотым». Второй альб. через два месяца после выхода достиг первого места и получил «платину» (с тех пор каждый диск «Л.з.» становился «платиновым»).

Как и их предшественники «Yardbirds», «Л.з.» исповедовали блюзовую манеру игры, в репертуар гр. неизменно входили композиции Хаулина Вулфа, Алберта Кинга и Вилли Диксона. Однако Дж. Пейдж привнес в классический блюз свое собственное понимание этой музыки, его «чувство гитары» было поистине уникальным (не говоря о технике игры), он тщательно «выписывал» каждый звук. Мощнейшая ритм-секция и уникальный для белого певца негритянский тембр голоса Р. Планта сделали подражание «Л.з.» невозможным (манеру группы можно лишь слепо копировать, как это делали распавшиеся ныне «Kingdom Come»).

Импровизация, на которой основывалось творчество «Л.з.», имела и свою обратную сторону: композиции были, как правило, длинными, и радиостанции отказывались транслировать их в оригинальном виде (несмотря на все просьбы создать специальные версии для радио, группа никогда не шла на компромисс).

После выхода четвертого альб. группа несколько сократила свои гастрольные поездки, а после американского турне 1973 г., побившего рекорды распродажи билетов, и вовсе прекратила их. В 1974 г. «Л.з.» учредили свою собственную фирму грамзаписи «Swan Song» («Лебединая песня»).

В 1975 г. «Л.з.» вновь начали гастролировать, однако автомобильная авария, в которую попала семья Р. Планта, снова заставила гр. сократить поездки. В том же 1975 г. «Л.з.» выпустили двойной альб. «Physical Graffiti», композиции которого значительно опередили свое время и стали своего рода ориентиром для групп, которые пришли на смену «Л.з.».

В 1976 г. гр. выпустила двойной концертный альб. и фильм, популярность «Л.з.» была беспредельной, но в 1977 г. от вирусной инфекции умер сын Р. Планта, Карак, и вновь группа отказывается от концертов почти на два года. В это время поползли слухи о возможном распаде «Л.з.». Однако в конце 1978 г. группа записывает в Швеции очередной альб. (он вышел летом 1979 г.) — в студии шведской группы «АББА».

В августе 1979 г. «Л.з.» дали большой концерт в Англии, пригото-

РЭР вне очереди

Mötley Crüe

«Мотли крю» оказались одними из лучших на прошлогоднем фестивале в Москве. Группа может нравиться, может не нравиться, но высочайшего профессионализма у музыкантов не отнять.

Успех этого квартета, вероятно, объясняется еще и тем, что музыканты работают без изменений состава уже почти десять лет, и это своего рода уникум, подобным достижением и в «золотой век» рок-н-ролла могли похвастать единицы.

В состав «Мотли крю» (название переводится как «пестрая компания») входят: Винс Нейл, основной вокал; Мик Марс, гитара; Никки Сиккс, бас, клавишные, вокал, и Томми Ли, ударные, фортепиано. Стиль «Мотли крю» — классический рок-н-ролл, который, правда, они исполняют весьма жестко, что и дало основания классифицировать группу по категории «тяжелого металла».

Прошлогодний альбом «Доктор Филгуд» выполнен с присущим группе мастерством, правда, не без влияния музыки «Кисс», но «Мотли крю» уже находятся в статусе супергруппы и могут себе позволить небольшие заимствования.

товились к записи следующей пл., однако приступили к студийной работе лишь через год. А 25 сентября 1980 г., вследствие злоупотребления алкоголем, гибнет Дж. Бонхэм. С этого дня «Л.з.» больше не существует...

С того же самого дня ходят упорные слухи о воссоединении группы, публика и журналисты называли возможные кандидатуры барабанщиков, но музыканты отвергают подобные гипотезы. Хотя в последнее время у Дж. Бонхэма появился достойный преемник, его сын Джесон.

После некоторого перерыва каждый из музыкантов «Л.з.» приступил к сольной работе (о творчестве Дж. Пейджа и Р. Планта мы расскажем отдельно, когда подойдет очередь соответствующей буквы). В 1984 г. Плант и Пейдж (с Джеффом Беком и Найлом Роджерсом) организовали группу «Honeydrippers», которая записала один альб. «Volume One» (1984), а Дж. П. Джонс сейчас продюсирует англ. группу «The Mission».

Композиции «Л.з.», занимавшие места в амер. Top 20 (в Англии вещи «Л.з.» в хит-парадах не были): «Whole Lotta Love», 1970 (4-е место); «Immigrant Song», 1971 (16-е место); «Black Dog», 1972 (15-е место); «D'Yer Mak'er», 1973 (20-е место).

Пл.: Led Zeppelin, 1968; Led Zeppelin II, 1969; Led Zeppelin III, 1970; Led Zeppelin IV, 1971; Houses Of The Holy, 1973; Physical Graffiti, 1975 (2 LP); Presence, 1976; The Song Remains The Same, 1976 (2 LP — Live); In Through The Out Door, 1979; Coda, 1982 (сборник вещей, отбракованных при подготовке предыдущих альб.).

Джон Пол Джонс соло: Scream For Help, 1985 (к фильму).

LEE, ALBERT. Алберт Ли. Родился 21 декабря 1943 г., англ. гитарист, пианист, композитор.

А. Л. известен главным образом как неизменный сейшнмен у таких исполнителей, как Джексон Брауни, Дейв Эдмундс, Джоан Арматрейдинг, Джо Кокер, Эрик Клэптон, Родни Кроуэлл и многих других. Любопытно также, что он один из немногих англ. музыкантов, проявляющих интерес к амер. кантри.

В семь лет он начал играть на пианино, подражая Джерри Ли Льюису, однако к 16 годам переключился на гитару. В 1964 г. присоединился к группе Криса Фарлоу «Thunderbirds», в которую тогда входил и Карл Палмер. Эта группа пользовалась в Англии большой популярностью — Джимми Пейдж и Стив Хау («Yes») неоднократно отмечали влияние «Thunderbirds» на музыку своих групп. В 1968 г. группа распалась, и А. Л. присоединился к «Country Fever», после распада которой он организовал группу «Heads, Hands And Feet», в музыке которой прослеживалось влияние кантри. Выпустив три альб., эта группа также распалась, и А. Л., в качестве сейшнмена, принимал участие в записи пл. «The Sessions» Дж. Л. Льюиса.

В 1973 г. А. Л. вошел в состав группы Рика Грича «The Crickets, все еще продолжавшей исполнять вещи Бадди Холли. Спустя год он уехал в США, где сотрудничал с Доном Эверли, а в конце 1974 г. вместе с Джо Кокером провел турне по Австралии и Новой Зеландии. В 1975 г. фирма «Эй энд эм» предложила ему контракт на запись сольной пл., которую он закончил лишь в 1979 г. В промежутке работал с известной исполнительницей Эммилой Харрис и ее группой «Hot Band».

Вместо того чтобы отправиться в турне для рекламы своего альб., А. Л. вошел в концертную группу Эрика Клэптона; впоследствии он также работал с ним и в студии. Между гастролями А. Л. записал свой второй — и пока последний — альб. В настоящее время он продолжает карьеру сейшнмена, хотя и не так активно, как в прошлом.

Пл. (с группой «Heads, Hands And Feet»): Heads, Hands And Feet, 1971; Tracks, 1972; Old Soldiers Never Die, 1973.

(Соло): Hiding, 1979; Albert Lee, 1982.

LEE, BRENDA. Бренда Ли (настоящее имя Бренда Мо Тарпли). Родилась 11 декабря 1944 г. в США. Амер. вокалистка, композитор, продюсер.

К семи годам Б. Л. уже была юной звездой своего родного Нэшвилла: она регулярно появлялась в телевизионных программах, посвященных молодежной музыке, а в 11 лет ее собственная композиция «Rockin Arow: d The Christmas Tree» заняла 14-е место в национальном хит-параде. Отец ее умер в 1958 году, и доходы Б. Л. весьма помогали семейному бюджету.

Огромную роль в карьере Б. Л. сыграл продюсер Даб Олбритен: он сделал певицу постоянным партнером Реда Фоли, с которым она гастролировала в Европе; особым успехом ее программа пользовалась во Франции.

На первом этапе своей карьеры Б. Л. исполняла в основном вещи, ориентированные на кантри, однако в середине 60-х гг. в ее репертуаре стали появляться рок-н-ролльные композиции, популярность которых была настолько высокой, что к середине 70-х в активе Б. Л. было уже более трехсот сорокапяток, а подавляющее большинство ее синглов занимали высшие места в амер. хит-парадах («Sweet Nothing», 4-е место — 1960г.; «I'm Sorry», 1-е место — 1960 г.; «I Want To Be Wanted», 1-е место — 1960 г.). Эксцентричная манера исполнения песен привела к тому, что во второй половине 60-х к Б. Л. «приклеилось» прозвище «Маленькая мисс Динамит».

В 70-е гг. Б. Л. вновь занялась кантри и стала ведущей еженедельной телевизионной программы, посвященной этому стилю. К тому времени известность Б. Л. перешагнула пределы США, и ее пл. (записанные в 60-е гг.) интенсивно переиздавались в Англии. Во второй половине 70-х певица стала уделять внимание кинематографу — она снялась в фильме «Smokey And The Bandit 2», написала музыкальную тему к фильму «Only When I Laugh».

В настоящее время Б. Л. много снимается в кино, практически не появляется в студии, но огромный «задел» песен, написанных еще в 60-х гг., поддерживает популярность певицы на неизменно высоком уровне, а ее пластинки регулярно переиздаются.

Пл.: Brenda Lee, 1960; By Request: Merry Christmas, 1964; Top Teen Hits, 1965 (сборник); 10 Golden Years, 1966 (сборник); Here's Brenda Lee, 1967; Let It Be Me, 1968; Brenda, 1973; Brenda Lee Story, 1974 (сборник); Brenda Lee, 1975; Little Miss Dynamite, 1976; L. A. Session, 1976 (Live LP); Take Me Back, 1979; Even Better, 1980; 16 Classic Tracks, 1981 (сборник); 25th Anniversary, 1982 (сборник); Greatest Country Hits, 1982 (сборник); Only When I Laugh, 1982 (к фильму); Very Best Of Brenda Lee, 1985 (сборник).

«LEEWAY» («Лиуэй»), группа «Дрейф» образовалась в 1984 г. в США.

Исходный состав: Эдди Саттн, вок.; Гордон Ансис, гит.; Майк Гиббонс, гит.; Зауи Акерман, бас; Мэки Джейсон, уд.

Дебютный альб. на пятом году существования группы — не самый впечатляющий результат, однако в концертном отношении «Л.» не имеет себе равных, и это не преувеличение.

Начинал квинтет удачно: в 1985 г. появилась демо-тейп под названием «Enforcer», хард-кор музыкантов выделялся на общем фоне аналогичных групп неожиданным мелодизмом и резким атакующим саундом и как следствие — контракт на запись альбома. Но в этот момент сразу три музыканта покидают группу, и все приходится начинать с нуля.

С появлением новых исполнителей манера «Л.» несколько изменилась, и хотя в ней по-прежнему прослеживается хард-кор, в целом стиль «Л.» сейчас ближе к спид- и даже пауэр-метал. Несмотря на крайне скромную студийную продукцию, концерты «Л.» пользуются громадным успехом, для открытия своих выступлений музыканты приглашают такие известные группы, как «Overkill», «Bad Brains» и «Cro-Mags». Это могло бы показаться удивительным: обычно «гвоздем программы» бывает группа, пользующаяся большим успехом в хит-параде. Но «Л.» в настоящее время носят титул «лучшей концертирующей группы Нью-Йорка».

Пл.: Born To Expire, 1989.

Изменения состава: 1986 — Джейсон,— Ансис,— Акерман, + Эй Джи Новелло, гит., Джимми Мо, уд., Эдди Коуэн, уд.

Mötley Crüe

Необязательные советы

Элизабет КАРЛСБЕРГ,
американский психолог

КАК УКРОТИТЬ ТИГРА

Гнев, досада, злость, раздражение... Интересно, как вы справляетесь с этим состоянием? И в чем оно у вас выражается? Вы дуетесь молча или же взрываетесь, да так, что перья летят?

Между прочим, гнев еще порождает и страх. Страх? Да, да. Где бы с вами ни случился приступ гнева, потом вы будете чувствовать себя не в своей тарелке. Почему? Гнев вызывает чувство неловкости. Вы демонстрируете самому себе и окружающим, что вы уязвимы. Гнев неприличен в современном, «цивилизованном» обществе. Вы можете считать гнев проявлением своего ребячества, чего-то, что необходимо скрывать и подавлять. Вы боитесь самого себя. (Но если вы человек раздражительный, раздражение ваше от этого только увеличивается).

На самом деле гнев — обычная эмоция, такая же, как счастье, печаль, смущение. Итак, с чего начинать укрощение в себе тигра? С признания того, что ваш гнев имеет основания. Минутку! Это не означает, что теперь вы можете использовать младшего брата в качестве полигона для испытаний особо опасного оружия или подражать действующему вулкану. Суть в другом — вы перестанете стыдиться своего состояния.

Происхождение гнева

Если вы еще не знаете, сообщаем: гневу особенно подвержены подростки. До десяти лет обычно все бывает в порядке. Но после десяти мир представляется совсем в другом свете.

Итак, когда все-таки гнев выходит на сцену? Тогда, когда вы пытаетесь утвердить свою независимость. Независимость от кого? Естественно, от родителей. Подобный разлад не просто естествен — он необходим, если вы хотите заявить о себе как о личности. (Наверно, вы слышали такое слово — индивидуальность?)

Но подобное расставание с детством связано со множеством стрессов. И один из признаков — гнев в форме бунта против старших.

Как справляться с гневом!

Старайтесь направить гнев в русло компромисса. Например, кто-то из родителей говорит: «Я не хочу, чтобы ты шел на эту вечеринку, я просто боюсь (и приводит достаточно резонные доводы). Нельзя ли нам как-нибудь договориться?» Между прочим, подобное объяснение может превратить ваш гнев против родителей в нечто более плодотворное: вы ведь знаете, что гнев мобилизует энергию.

После того как отец или мать выговорились, наступает ваша очередь. И тут надо сделать попытку к контакту. Это не только даст выход вашим чувствам, но и может привести к решению, приемлемому для обеих сторон. Например:

Сын: Мам (или пап), ты не пускаешь меня на вечеринку. Можешь ты, по крайней мере, объяснить почему?

Мать (или отец): Действительно, может быть, это не совсем справедливо с моей стороны. Но дело в том, что...

Легче это проходит в семьях, где привыкли говорить все, что на душе. Но даже если у вас не так, попробовать стоит. К тому же это лучше, чем устраивать скандал, из-за которого вам навсегда могут запретить любые вечеринки!

Как успокоить себя

Сейчас вы, конечно, скажете что-нибудь вроде: «Компромисс?! Ха! Когда я в гневе, я готов сорвать крышу с дома! Как же я могу пойти на какой-то там компромисс?»

Хорошо. В самом разгаре вы, конечно, не можете — и не стоит даже пробовать. Вы, наверное, слышали старый совет «Считай до десяти»? Может быть, вам понадобится считать до тысячи. Однако этот банальный совет не так уж бесполезен. Но, пожалуйста, задержитесь на минуту (или две, или хоть на целый день, если надо). Подумайте перед тем, как изливать свои чувства. В конце концов, вы всегда успеете это сделать.

14-летняя Дана Кей признается, что гнев «опустошает» ее. «Я всегда взрываюсь, когда кто-то или что-то меня раздражает,— признается она.— Я кричу и швыряю все, что под руку попадется, или начинаю рыдать».

К счастью, Дана открыла две вещи, которые снимают ее напряжение: зарядка и сон. «Иногда я довожу себя до изнеможения гимнастикой. Это снимает и гнев, и связанное с ним напряжение. А если отправлюсь спать, временно уснет и мое раздражение. Когда проснусь — оно ослабеет».

Поскольку разные люди раздражаются по-разному, успокаиваться они тоже должны каждый по-своему. Что делает в таких случаях 16-летний Фред? Он поверяет свое раздражение бумаге: «Я просто записываю все, что чувствую, в дневник. Когда гнев переходит на бумагу, он уходит из меня».

Рэйчел, которой тоже 16, нашла свой способ избавляться от гнева. «Обычно я вымещаю зло на подушке — колочу ее или ухожу в свою комнату и реву в свое удовольствие».

Другие подростки считают, что гнев можно растворить в музыке.

Колотить подушки? Записывать в блокнот? Танцевать? Не смейтесь. Эти невинные занятия могут сотворить чудеса.

Итак, вы успокоились — и можете наконец выяснить: из-за чего, собственно говоря, все началось? Не стоит забывать про свой гнев. Дана, Фред и Рэйчел отнюдь не делают вида, что ничего не случилось: напротив. Сначала они признаются себе, что раздражены. Потом ищут способ контролировать себя. И только потом начинают размышлять о причине. Однако слишком многие — и старые, и молодые — полагают, что с гневом можно справиться, просто игнорируя его. Запомните: гнев сам по себе никуда не денется.

Загнанный внутрь, он может повредить голове (в виде головной боли), коже (в виде сыпи) и желудку (в виде язвы). Не здоровее и другой способ избавиться от гнева — обратить его на себя. Результатом этого может стать депрессия. Затаенный гнев в конце концов потребует своего: в результате вы начнете дуться на весь мир.

Если вы хотите одолеть свою раздражительность, попробуйте следовать этим советам:

1. Попробуйте поставить себя на место другого — и взглянуть на ситуацию его глазами.

2. Старайтесь при выяснении отношений не обвинять другого, а рассказывать ему о том, что чувствуете.

3. Будьте тактичны, но говорите правду. (Иначе вы ничего не добьетесь). Однако дипломатия не помешает, если она не чрезмерна.

4. Не стесняйтесь выражать свой гнев. Если же кто-то другой, кто разгневался на вас, не постесняется извиниться, проявите великодушие.

Итак, главное: не держать досаду под спудом и в то же время не позволять ей овладеть вами. Если этот тигр вас одолевает, найдите кого-нибудь, кто бы помог посадить его в клетку. Друг, учитель или священник наверняка не откажутся вас выслушать. (А если вы в хороших отношениях с родителями, доверьтесь им.) В крайнем случае можно обратиться к невропатологу. Однако прежде всего помните, что гнев — вполне естественное чувство. Оно не делает жизнь особо приятной, но доказывает, что ничто человеческое вам не чуждо.

Перевел с английского А. АНТИПЕНКО

Жан КО,
французский журналист

УБИЙСТВО по СЦЕНАРИЮ

Компания «Голливуд Пикчерс» представляет «Убийство по сценарию». В ролях: отец — Хосе Менендес, мать — Мэри Менендес, сыновья — Лиль и Эрик Менендес, шеф полиции — Марвин Йанон, Сильвестр Сталлоне в роли Сильвестра Сталлоне. Мотор.

Огромная испанского стиля вилла в квартале миллиардеров Беверли Хиллз. Теннисный корт, бассейн, электронные ворота и все такое прочее. Вилла является в некотором роде историческим памятником, так как в ней жили такие звезды, как Элтон Джон, Майкл Джексон и Принц. Потом ее купил Хосе Менендес, генеральный директор крупной видеомузыкальной компании и кинопродюсер, выпустивший двух «Рэмбо» с Сильвестром Сталлоне. Внешне он похож на Лино Вентуру. В 14 лет он бежал с родной Кубы, и через 31 год здорово преуспел, преуспел так, как это бывает иногда только в Штатах. Его супруге, Мэри Менендес, сорок четыре. В прошлом — королева красоты Иллинойса, сейчас — мать двух сыновей. Лиль, двадцать два года, и Эрик, девятнадцать, отличные ребята, крепкие, широкие в плечах. У них упрямый вид, а тяжелые квадратные челюсти придают им особое очарование. Эрик — студент, собирается уйти в профессиональный теннис, а пока пишет сценарии. Красивая семья, красивая пара, красивые дети, красивый дом, красивые миллионы долларов, красивая Калифорния, зда-

кая история успеха по-американски.

У Эрика есть приятель Крэйг. Однажды они уехали на три дня на север Калифорнии, и там Эрик написал сценарий. Шестьдесят три страницы. Название: «Друзья». Сюжет: Гамильтон Кромвелл, главный герой, 18 лет, совершает убийство отца и матери. Сцена 1. Гамильтон читает завещание родителей и узнает, что после их смерти он должен унаследовать пять миллионов долларов. «Он садистски улыбается». Сцена 2. Господин и госпожа Кромвелл отдыхают в роскошной комнате. Открывается дверь, входит Гамильтон. «Доброй вечер, мама, добрый вечер, папа»,— вежливо произносит он, но «лицо его искажено от ненависти». Супруги вскакивают, их охватывает ужас.

После убийства родителей Гамильтон убивает еще троих человек, в том числе свою девушку, которую он душит. После этого он сам оказывается жертвой убийства. Он умирает с улыбкой на устах от руки своего лучшего друга. Последний приговаривается к смертной казни. Перед смертью ему дают прослушать пленку, на которой записано послание Гамильтона: «Ты был лишь пешкой в этой игре, имя которой смерть. Проигравший должен принести в жертву собственную жизнь». Конец.

Глупый, банальный сценарий. «Иногда,— говорит Крэйг, друг автора этого шедевра,— мы мечтали об идеальном убийстве, а иногда — о благе человечества». Другими словами, они хотели быть либо богом, либо чертом. Все это очень по-детски. Как правило, такие заскоки не мешают молодым людям стать через несколько лет отцами семейств, ходить в контору и пожимать плечами, обнаружив в глубине ящика стола собственные стихи или идиотский роман. К несчастью, в сценарии, созданном Эриком, папа обладал миллионами долларов, точь-в-точь как настоящий папа Менендес.

Мама Менендес, не моргнув глазом, отпечатала для сына сценарий на машинке и нашла, что он неплох. Лиль, брат Эрика, сказал, что он просто отличный. Папа сухо, как положено деловому человеку, сказал: «Будем снимать». В порыве вдохновения Эрик написал еще два: «Идеальное ограбление» и «Идеальное преступление». Как вы заметили, мальчик любит все идеальное.

20 августа 1989 года. Сосед семьи Менендес смотрел по телевизору «Джеймса Бонда» и вдруг услышал хлопки. Ружейные выстрелы? Нет, решил он, хлопушки. Другая соседка бросилась к окну и увидела метнувшуюся на противоположном газоне странную фигуру. Ей было страшно, она не могла заснуть. В 11 часов 47 минут полиция обнаружила два трупа. Полицию вызвали братья, которые, по их словам, только что вернулись из кино. Один из трупов принадлежал Хосе Менендесу. Его нашли на диване перед телевизором, одетого в теннисные шорты. Восемь огромных дыр от пуль охотничьего ружья. Немного в стороне, как будто она пыталась спастись, его красавица жена с пятью отверстиями от пуль. Чудовищно! И нет ни одной взломанной двери, ни одного разбитого окна, ни свидетелей, ни улик, ровным счетом ничего. Шеф полиции в недоумении.

— А где были вы, когда произошло убийство? — спросил он у мальчиков, которые на удивление спокойно перенесли трагедию.

— В кино. Мы хотели посмотреть «Лицензию на убийство», но там была очередь за билетами, и мы пошли на «Бэтмена».

— А билеты у вас сохранились?

— Нет...

Полиция в недоумении.

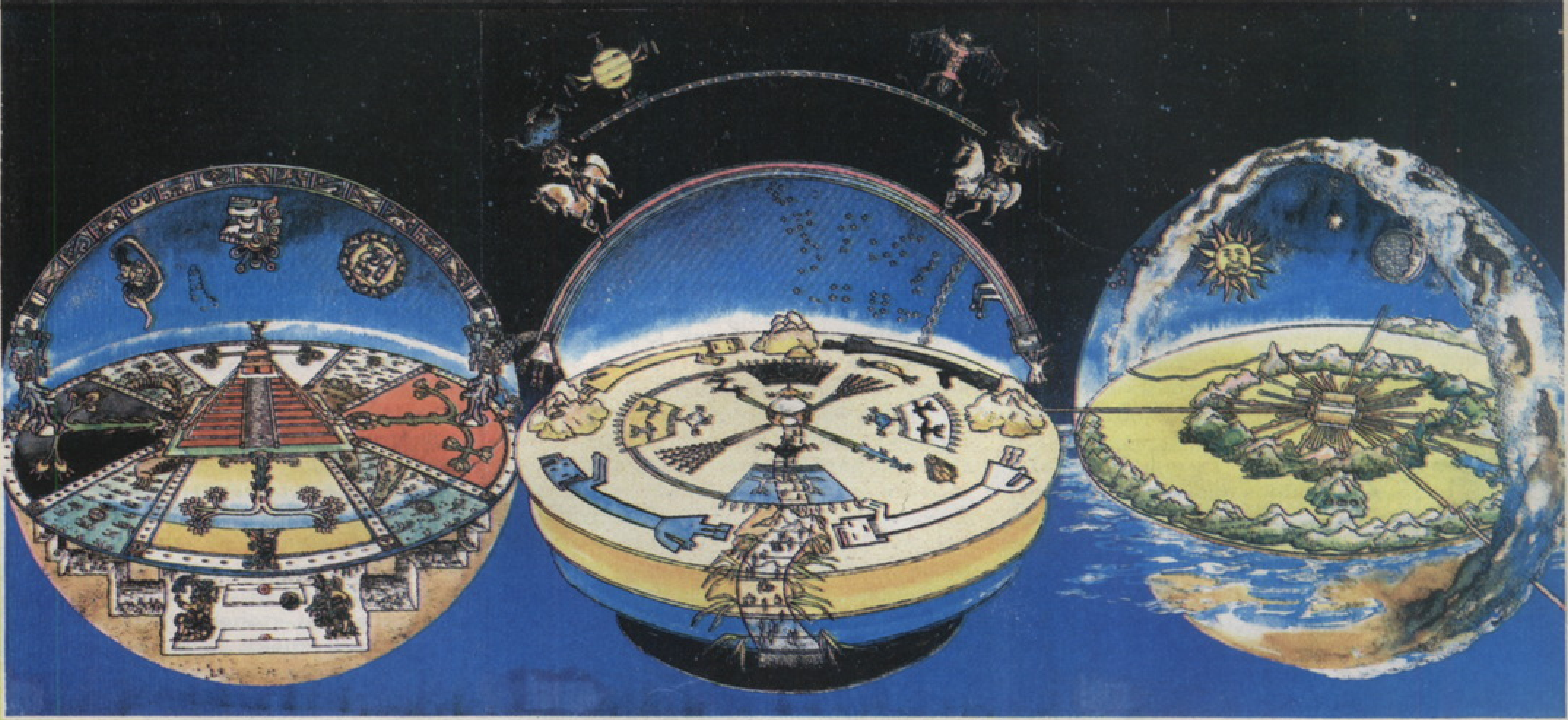
Тем временем следствие продолжалось. И вот ранним утром 8 марта 1990 года Лиль Менендес вышел из фамильного имения и увидел за воротами троих полицейских. Они зачитали ордер на арест — ну прямо как в кино,— надели наручники и отправили в тюрьму. Подозревается в убийстве. 11 марта Эрик возвращался из Израиля с теннисного турнира. Его арестовали в аэропорту Лос-Анджелеса. Зачитали ордер, надели наручники, отправили в тюрьму. Подозревается в убийстве. На Беверли Хиллз переполох. Дядюшки и тетушки бедных мальчиков в негодовании. Это ужасно! Как можно было обвинить мальчиков в подобном преступлении! А шеф полиции Марвин Йанон наблюдал. Что-то сиротки Лиль и Эрик не очень горевали о своих родителях. Получив первую часть наследства — несколько сотен тысяч долларов, старший купил себе «порше», квартиру около Принстона, закусочную, кафе, а вскоре объявил о своем намерении открыть свои рестораны по всей стране. Младший бросил занятия, посвятил себя теннису и даже нанял персонального тренера. Шеф полиции произвел необходимые расчеты. Сколько же еще получат эти мальчики? 5,5 миллиона долларов за виллу на Беверли Хиллз, 3,5 миллиона за вторую виллу, расположенную в двух часах езды от Лос-Анджелеса, акции на сумму более пяти миллионов, а также произведения искусства, драгоценности, машины и так далее. А что с завещанием, есть ли оно вообще? Поищем. Ага, вот папин персональный компьютер. Посмотрим оглавление. Находим «Завещание». Но где же дискета? Стерта! «Случайно»,— говорит Лиль. Ладно, пусть будет случайно, но почему-то именно до того, как эксперт, вызванный полицией, смог прочесть ее... Дальше. Они сказали, что в вечер убийства смотрели «Бэтмена». Хорошо. Но помнят ли они что-нибудь из фильма? Да, приблизительно, очень приблизительно, а ведь «Бэтмен», согласитесь, не оставляет зрителя равнодушным. Продолжим расследование. Что это там, в кармане пиджака Лиля? Гильза! Дело продвигается. Бесспорно, что убийц должно было быть двое. Бесспорно также, что убийство было спланировано заранее и хладнокровно осуществлено, выгодно же оно, конечно, для наследников, особенно если Менендес собирался изменить завещание, что доказывает «случайно» стертая дискета. Уже горячо. Продолжим. Шеф полиции и его команда считают, что у них есть достаточно составляющих для обвинительного заключения, но нет «клея», чтобы соединить их. Но не будем терять надежду. И вот еще находка! Дело в том, что родители посещали психиатра (это ведь Америка! Можно купаться в долларах, преуспеть, иметь отличное здоровье, и тем не менее приходится бывать у психиатра, так как остаются «межличностные проблемы» в отношениях с супругой, с супругом, с детьми, с подчиненными, с консьержкой, с любимой канарейкой, да мало ли еще с кем!), и... опять находка! После убийства Лиль и Эрик тоже приползли к тому же психиатру. Это по-прежнему Америка. Вы убиваете маму и папу, а так как кюре вы этого доверить не можете, то вы бежите к бездельнику, который кладет вас на кушетку и «слушает». Он вас слушает — за это ему и платят,— но вместо того, чтобы делать записи в блокноте, он записывает вашу исповедь на пленку. И вот полицейские находят у психиатра 14 кассет, на которых записаны «терапевтические сеансы» Лиля и Эрика. Они их прослушивают. И что же они узнают? На данный момент это неизвестно, но полицейские ликуют: клей нашелся, по их словам, он «цементирует все доказательства». Но встает вопрос: не будет ли орда адвокатов (мальчики-то ведь богатые) кричать на всех углах о нарушении врачебной тайны?

Ну что же, подождем процесса и посмотрим. Судебные процессы в Америке, как известно, зрелищны и увлекательны. А я пока довольствуюсь крупным выигрышем. Я заключил пари, утверждая, что у киношников слюнки потекут от подобного происшествия уголовной хроники, в котором отражается вся Америка. Разве можно придумать более увлекательный сценарий? Нет, нельзя. В этом сценарии есть все: папа, вышедший из низов и преуспевший в кинобизнесе, Калифорния, Беверли Хиллз, великолепная вилла — готовые декорации, миллионы долларов, отличные ребята убийцы-сыновья, мама, печатающая сценарий, в котором ее убирают в первой же сцене, Принстон, теннис, компьютер, кассеты с голосами убийц, исповедующихся психиатру, и даже замечательный Сильвестр Сталлоне, который был знаком с жертвами. Лучшего сценария не найти! Вот я и поспорил, что продюсеры будут драться за то, чтобы экранизировать эту сказку. Я выиграл. Они сцепились в клубок. Они, наверное, думают, что подобная история будоражит воображение.

Перевела с французского
В. СТАРОВОЙТОВА

МИР ПО ИНКАМ, МАЙЯ И НАВАХО — вот то, что вы видите на этих рисунках, сделанных на основе новой науки — археоастрономии, американским исследователем Джоном Б. Карлсоном. По-разному видели мир наши предки в разных концах Земли, и каждый народ ставил в центр своей Вселенной что-то лишь ему известное. Но свой рассказ о различном видении мира вокруг и неба над головой Джон Б. Карлсон завершает «Ночной песнью» индейцев навахо: «Лишь в гармонии могу идти я вперед; лишь если за мною согласие, могу я идти вперед; лишь если впереди меня мир, могу я идти вперед; и если под ногами у меня все соразмерно — могу я идти вперед; и только когда небо надо мною в покое — могу я идти вперед».

Соразмерность, гармония, покой — урок, завещанный нам древними. Часто ли мы вспоминаем, что их жизнь была не легче нашей, когда кичимся своими рожденными прогрессом проблемами!

ФОТОГРАФИЮ ЭТОЙ СИМПАТИЧНОЙ ДЕВУШКИ мы получили из посольства Великобритании в СССР. Фото сражающихся с бурной Темзой британских полицейских мы взяли из журнала «Лайф». Что между ними общего? Обе фотографии — на одну тему. Тему благотворительности. В последнее время в Великобритании она стала приобретать настоящий государственный размах. Так, организация «Оксфам» в прошлом году направила в страны «третьего мира» 41 миллион фунтов — сеть магазинов «Оксфам» торгует сувенирами, произведенными в этих далеких странах, а вырученные деньги туда же и направляет. Девушка рекламирует благотворительную кампанию Би-би-си «нуждающимся детям», а деньги, которые выручат полицейские, преодолев — после тренировки на Темзе — Ла-Манш, пойдут семьям заключенных...

НЕСМОТРЯ НА ОБИЛИЕ РАЗЛИЧНЫХ КОНКУРСОВ, есть в мире музыканты, чье мастерство давно уже не нуждается ни в подтверждении, ни в оценках компетентных жюри. Однако английский журнал «Обзервер», следуя желанию публики все-таки знать «лучшего среди лучших» (потому что публика далеко не всегда полагается на собственное мнение), попросил самых знаменитых пианистов мира избрать «абсолютного монарха». И они остановили свой выбор на Святославе Теофильевиче Рихтере.

kaoma LAMBADA

Вы продолжаете спрашивать... В одном из предыдущих номеров мы вынуждены были разочаровать читателей, объявив, что пик «Ламбады», несмотря даже на международные соревнования в ее честь, явно идет на спад. Но читатели никак не хотят с нею расставаться и требуют хотя бы полного португальского текста. Вот он. Автор музыки и слов С. Де Оливейра.

Chorando se foi quem um dia so me fez chorar
Chorando se foi quem um dia so me fez chorar

Chorando estara ao lembrar de um amor
Que um dia nao soube cuidar
Chorando estara ao lembrar de um amor
Que um dia nao souble cuidar

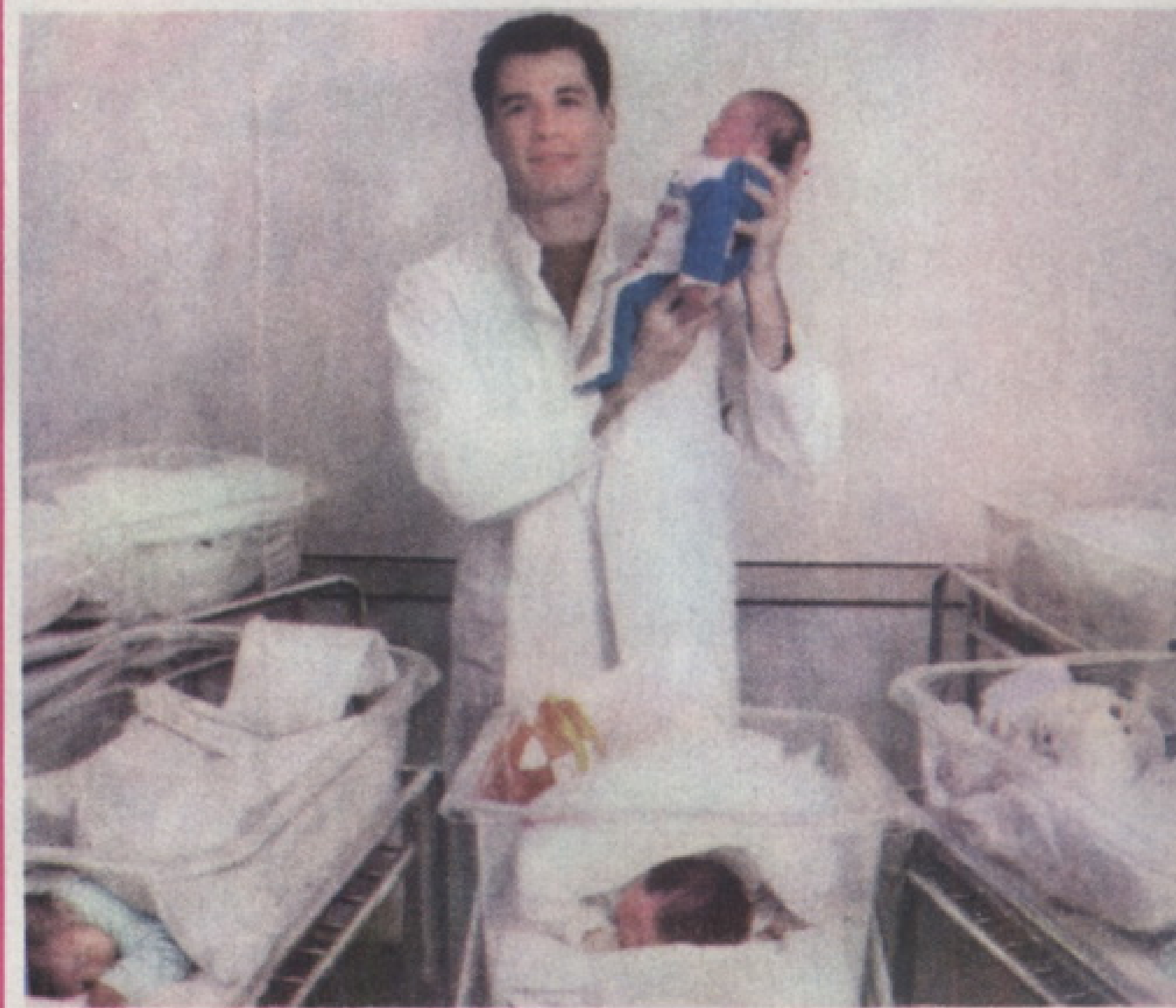
A rekordacao vai estar com ele aonde for
A resordacao vai estar pra sempre aonde zu for

Danca sol e mar guardarei no olhar
O amor faz perder encontrar
Lambando estarei ao lembrar que este amor
Por um dia um instante foi rei

A resordacao vai estar com ele aonde for
A recordacao vai estar pra sempre aonde zu for

Chorando estara ao lembrar de um amor
Quo um dia nao soube cuidar

Cancan riso e dor melodia de amor
Um momento gu frica no ar

ДЖОН ТРАВОЛТА, ГОСПОДИ, КОГДА ЖЕ ЭТО БЫЛО! Со времен «Лихорадки субботнего вечера» и продолжавшей ее пары «танцевальных» фильмов актера видели разве что соседи по ранчо. Видели — и не узнавали: неужели этот толстый господин когда-то лихо отплясывал под музыку «Би Джиз» на светящемся стеклянном полу ночной дискотеки? И вот Траволта появился вновь — в фильме «Привет, мамуля!». И похожий сам на себя. Оказывается, Траволта пригласил в тренеры знаменитого Брэда, «накачавшего» многих голливудских силачей. Два часа «железа» в день, воля в кулаке — никаких десертов и т. д. Подновленный имидж Траволты заставил его изменить и привычную жизнь. Он продал ранчо, поселился в гостинице и проводит основное время в разъездах, точнее — в разлетах: он приобрел самолет, на котором летает, похоже, даже в магазин.

КРУГОВОРОТ ПРИЧЕСОК В ПРИРОДЕ. «Все возвращается на круги своя»,— уверяет журнал «Плейбой», предназначенный, как вы, вероятно, слыхали, для самых-рассамых особей мужского пола. Не правда ли, приятно, когда все особи выглядят аккуратно, височки подстрижены, взгляд прямой? Так и хочется, чтоб они шагали строем...

В углу круга

Хорди СЬЕРРА-И-ФАБРА,
испанский писатель

Приключенческая повесть

Итак, по лестнице поднималась прелестница лет восемнадцати, не больше. Правильные, тонкие черты лица дышали безмятежным простодушием лишенной каких бы то ни было комплексов натуры. Наряд ее составляли черная мини-куртка и юбка того же цвета и такой же длины. С плеча свисала огромная кожаная сумка-мешок...

Ее спутник выступал в несколько ином жанре: узкие многоцветные штаны, два черных ремня крест-накрест схватили у талии грубое полотно белой рубашки, широкие рукава которой позванивали металлической бахромой.

Исмаэль Лисаррага шагнул им навстречу.

— Привет, Форту. Как дела, Смэш?

Признаться, я не был уверен, что угадал, кто из них кто.

— Нам бы повидаться с Мора,— небрежно проронил парень.— Он нам назначил на утро.

— Сегодня я его не видел...— неуверенно сказал Лисаррага.

Форту и Смэш переглянулись. Глаза парня источали ярость, ее — по-прежнему были безмятежны.

— Ну что ж, подождем,— промурлыкала девица, устраиваясь в кресле.

Парень молча, с тихим ожесточением подчинился.

Из коридора ко мне направлялась стройная молодящаяся женщина — судя по всему, секретарша Сантаканы.

— Сеньор Рос? Простите, вы не могли бы сказать, зачем вам понадобился сеньор Сантакана?

— По делу, не терпящему отлагательств... По личному делу. Если я напишу записку, вы передадите ее шефу?

Вырвав листок из блокнота, я написал: «Хавьер Мора мертв. Как журналист и ваш друг, могу быть полезен — еще до того, как сюда прибудет полиция. Даниэль Рос».

И вновь ко мне процокали каблучки секретарши:

— Сеньор Сантакана готов принять вас незамедлительно, сеньор Рос. Будьте любезны, следуйте за мной...

V

Уже с десяток лет минуло, как мы не виделись, но за это время Артуро Сантакана, казалось, мало изменился — по крайней мере внешне. Как и прежде, он источал элегантно-пружинистую уверенность в своих силах. И в то же время — участливую благожелательность к собеседнику. Вот разве что слегка облысел...

Только пожимая его руку, я вдруг заметил серые мешки под глазами, да и само пожатие было далеко не столь крепким, как прежде. В левой руке подрагивала моя записка.

Ненавистна мне была эта роль — вестника дурных новостей, но она же позволяла быть в какой-то мере хозяином положения. Может, именно здесь, в стенах «Карма Дискос», затерялся тот единственный, спасительный ответ или хотя бы какой-то намек на него?..

— Рос, что с ним случилось? — взмолился Сантакана.

Я собрался было уйти от прямого ответа, но тут до меня дошла вся смехотворность затеянной игры в детективы. И главное — с кем? Никто на свете не нуждался в Хави так, как стоявший сейчас передо мной человек.

— Хавьер Мора убит.

Сантакана, качнувшись, схватился за подлокотник стоявшего рядом кресла.

— Господи... Боже ты мой...— прошептал он и сел.

— Думаю, что полиция скоро сюда нагрянет. Хави нашли мертвым с простреленной грудью в его квартире.

Кажется, Сантакана начал понемногу приходить в себя.

— Чушь какая-то... Да ведь это определенно дело рук сумасшедшего! — Его голос стал набирать силу.— Ну кому еще могла понадобиться смерть Хавьера? Ведь он всю душу свою положил вот на этот алтарь! — Раскинув руки, Сантакана как бы охватил ими пространство своей империи.— Здесь, как когда-то в Голливуде, мы фабрикуем иллюзии... Мы творим музыку!

Продолжение. Начало см. в № 8 за этот год.

— Хорошие иллюзии — это тоже коммерция, сеньор Сантакана. Чем больше таких иллюзий, тем реальнее миллионные доходы, от которых многим не спится по ночам... Вы подписали контракт с Хавьером Мора в расчете на то, что он найдет ключ к спасению «Карма Дискос», так ведь? А когда предприятие начинает сыпаться, в желающих поживиться на этом недостатка не бывает. И смерть Хави для них — это путь к самому сердцу «Кармы».

— Рос, я, кажется, и впрямь немного не в себе, но... Да ведь это абсурд! Нам сейчас все помогают — и банкиры, и меломаны, и целая куча благотворительных организаций. Корысть их в одном: лишь бы «Карма» выстояла. И мы на верном пути к этому!

— Вы не могли бы мне рассказать, чем именно здесь занимался Хави?

— А почему это так вас интересует?

— Все-таки он был моим другом...

— Только поэтому?

— Пожалуй, нет,— признался я.— Ну чтоб вам было понятней... Мы вместе прожили годы, когда, казалось, музыка спасет мир. Понимаете, о чем я?

— Ах да, эпоха «Битлз», «Роллингов»... Вы собираете материал для статьи?

— Я собираюсь найти убийцу.

Он еще раз внимательно посмотрел на меня,— то ли для того, чтобы удостовериться, что перед ним не сумасшедший, то ли желая убедиться в чистоте моих помыслов.

— Хавьер Мора один стоил целой команды. Обсудив и все взвесив, мы заключили договор, и он стал директором с диктаторскими полномочиями. Я дал слово чести, что не буду ни во что вмешиваться, более того: поддержу любое его решение. Ему отчислялось двадцать процентов наших доходов,— так пожелал сам Мора, и это условие меня вполне устраивало: главное, чтобы ему удалось удержать «Карму» на плаву...

— Что было дальше?

— Мора мигом перевернул все здесь вверх дном. Не скрою, порой он принимал такие решения, что я хватался за сердце. Хавьер уволил Хесуса Пастора, а ведь мы с ним стояли у самых истоков дела. Вслед за ним за воротами оказались еще человек двадцать, и это были лучшие мои люди. В мадридском филиале Мора учинил сущий погром: там теперь всего четверо... Но все это, знаете, было вроде верхушки айсберга: я и представления не имел о том, что за всем этим кроется. Мора ни с кем не делился своими секретами, а я свято соблюдал условия договора — что мне еще оставалось?

— Ждать, видимо... Только чего?

— Вот в этом-то и весь фокус: все обошлось как нельзя лучше... Да что там!.. Мне и не снилась такая удача. В считанные месяцы он вернул нам расположение банков, а ведь они наотрез отказывали в кредитах. Мы вот-вот должны были получить такую сумму, что... Господи, что же теперь?..

Я не мог позволить ему снова впасть в прострацию.

— Итак, на горизонте замаячили большие дела, которые «Карма» могла бы проворачивать как равноправный компаньон или... дочерняя фирма западногерманского концерна «Аубэнталер»?

И вновь я встретился с его изучающим взглядом.

— Сотрудничество с «Аубэнталер» — это лишь часть задуманного.

— Вам, наверное, уже делали и другие заманчивые предложения? Ну, скажем, деньги под «Карму», фонды ее каталогов или звукозаписывающее оборудование?

— Чтобы войти пайщиком в дело, а со временем прибрать все к рукам? Мора и я боролись в одиночку, сразу отвадив любителей поделить с нами шкуру еще не убитого медведя.

— Хави многих восстановил против себя...

— Да. Своей неуступчивостью. Тем, что, как никто другой, знал истинное положение дел. Признаться, у меня не хватило бы духа сделать и половину того, на что он пошел не колеблясь. Дикторы на радио неплохо зарабатывали на нашей рекламе — он порвал все контракты с ними. Максимо де Блас — звезда первой величины! — был выставлен за дверь, едва заикнулся о повышенных гонорарах. Дня не проходило без нахлобучки кому-нибудь из наших — «за преступное расточительство». Может быть, впервые Хавьер делал что хотел, и спасение «Кармы» стало смыслом его жизни.

— Не потому ли его и убили?..

Сантакана молчал.

VI

Я направился к лестнице, но тут заметил томящихся у лифта Форту и Смэша — или Смэш и Форта, черт их разберет.

— Ну и гад же он! — зло выговаривал парень.

— Мора, считай, обошелся по-королевски — хоть пригласил на пробу.— Во взгляде девицы светилась все та же безмятежность, зашторившая ее от всяческой мирской суеты.

— Ну знаешь, Форту, иногда я тебя не понимаю... Стало быть, ее зовут Форту.

Хави ничего зря не делал, и раз пригласил этих ребят на пробу — значит, они того стоят. Недурно было бы потолковать с ними... Но тут все мои благие намерения рухнули. В подъезд вошли Альфонсо Менендес и Эутикио Сола. Проклиная свою невезучесть, я стал готовиться к очередной светской беседе, а Форту и Смэш, свободные, как птицы, уходили все дальше по тротуару.

Менендес и Сола живо загородили проход.

— Ну и что же это мы здесь поделываем? — взревел Альфонсо.

— Помнится, вы рекомендовали мне сидеть дома и не высовываться,— постарался произнести я как можно серьезней,— так что не смею вас больше задерживать... кстати, случившимся я ни с кем не делился. Хотя нет — Артуро Сантакана все известно.

— Так это его вы здесь навещали?

— Ну да — мы же с ним друзья.

— Ага... Значит, язычок вы все-таки распустили. Или, может, играете в детектива?

Его пальцы тисками сжали мое запястье.

— Но-но, полегче, Менендес.— Я прямо чувствовал, как наливаюсь тяжелой злостью.— Я пока еще свободный гражданин свободной страны.

Менендес посверлил меня напоследок выглядывавшими из-под мохнатых бровей буравчиками:

— Эх, попались бы вы мне лет этак пятнадцать назад!.. Помните, Рос, несдобровать вам, если еще увидимся!

Я шагал по тротуару, и меня просто трясло от бешенства. Напряжение спало, когда на Виа Аугуста, всего метрах в пятидесяти от меня, я обнаружил вдруг Форту и Смэша. Я резко прибавил шагу, и тут Смэш, подняв руку, остановил такси. Передо мной теперь маячила одинокая фигурка Форту. На площади Гала Пласидиа она зашла в небольшое кафе и заняла столик. Такой вот мне подвернулся шанс. Я направился прямо к ней и тронул за плечо. Форту обернулась, с любопытством разглядывая меня, и, узнав, улыбнулась легко и просто.

— Привет,— бодро начал я.— Жаль, что мы не смогли потолковать еще там, в «Карме». Ты знаешь, недавно мне довелось тебя послушать,— сказал я, не зная, угодил ли в «десятку» или пальцем ткнул в небо.

Начало ей явно понравилось.

— Ну и как?

Я ждал, что она спросит, где или что-нибудь в этом роде, и придется выкручиваться, но, видно, ее мыслительные возможности были более чем скромны.

— Без дураков, понравилось,— перешел я на понятный ей язык.— Да вот беда: не припомню, как ваша группа называется. Я сказал Лисарраге, что возьму у вас интервью, как только вы запишете диск.

Вот он, ее звездный час!..

— Да ты никак журналист? Ну, валяй записывай: наша группа называется «Космическая пыль».

— А меня зовут Даниэль Рос.

— Форту.— Я с чувством пожал энергично брошенную потрясающей белизны ладонь.

У столика неслышно вырос официант. Форту заказала швейцарский сыр, бифштекс с кровью, салат и кофе. От одного перечисления всей этой снеди у меня засосало под ложечкой, и я повторил заказ — только в двойном размере.

— А что у вас там за нелады с Морой? — поинтересовался я, едва официант отправился на кухню.

— Хочет, чтоб мы играли в другой манере, а заодно сменили название. Мне-то плевать: как скажешь, так и запою, а Смэш впал в истерику. Вот если бы Ману был здесь...

— А это еще кто?

— Смэш и он — лидеры группы. А я с Ману... У нас с ним другие дела... Ну сам понимаешь. И когда мы со Смэшем стали шастать по всем этим студиям звукозаписи, я как бы представляла интересы Ману.

— А что, Смэш поцапался с Мора?

— Не то слово — чуть друг дружку на куски не порвали.

Заказы в полном составе приземлились на наш столик. Ни на мгновение не умолкая, Форту принялась за еду. Делала она это с необыкновенным изяществом: процесс приема пищи был для нее как дыхание — столь же естествен, незаметен и прост.

— Но как бы там ни было,— продолжала она,— Смэш отлично понимает, что придется уступить по всем пунктам, оттого-то и бесится. А куда денешься? Последнее слово сейчас за компанией, это и безнадежному дураку известно, а нам уже столько раз указали на дверь...

А ведь эта Форту — совсем не дура, здорово усвоила основы простейшей жизненной философии: хочешь брать — умей поступиться своим.

— Интересно... Мора только с вами обошелся так круто, или и другим клиентам «Кармы» несладко приходится?

— В общем-то, я не особенно в курсе дела, но поговаривают, будто сеньор директор изрядно прополол свои грядки...

— Стало быть, недостатка в желающих поквитаться с ним не предвидится,— я старался говорить это, улыбаясь на манер Форту, с этакой наивной беспечностью.

— Уж наверняка! Но больше всех нашумела история с Максимо де Бласом. Бывало, встретишь его на улице — ну не мужик, а парадная карета какая-то...

— Да, солист первой величины...

— Был. Но, похоже, сплыл. Мора вышвырнул его на улицу.— Она счастливо улыбнулась.— Случись со Смэшем что-нибудь в этом роде, клянусь, он бы где-нибудь подкараулил сеньора директора... Послушай, мы начали разговор о «Космической пыли», а забрели черт-те куда. Ты когда будешь брать у нас интервью — как только запишемся, или подождешь, пока наши диски станут расхватывать?

Я понял, что ничего путного больше от нее не добьюсь — сегодня по крайней мере.

— Как запишетесь,— пообещал я ей.— Я пришлю в студию фотографа, чтоб запечатлел вас для истории.

VII

В первой кабине не оказалось телефонной трубки. Во второй аппарат молчал, зато в третьей его вовсе не было. С четвертого захода повезло, но пришлось ждать, пока застрявший там тип не изольет всю желчь на проблему своего трудоустройства.

Я набрал номер Пепы, жены Пако Мунтане. И, услышав ее голос, едва не расплакался — то ли от горя, то ли от радости.

— Эй, Дан, ты что себе позволяешь? В такую жару прихватить насморк!

— Да вот угораздило прокатиться с ветерком из Бильбао. Пепа, я попрошу тебя об одном одолжении...

Который год она словно не замечает ни моего одиночества, ни накатывающей порой угрюмости. Я стараюсь подыгрывать ей, и наши беседы протекают обычно в шутливой манере. Но сейчас мне было не до шуток.

— А что случилось?

— В двух словах всего не перескажешь... В общем, я вляпался в одну пренеприятную историю, хотя и не имею к ней ровно никакого отношения. Я никак не могу связаться с Пако, чтоб он как можно скорее раздобыл хоть какие-то сведения по этому делу. Какому? Нам нужно с ним повстречаться — он все поймет. Ты не можешь позвонить ему на службу? Для жены, я думаю, они расстараются, разыщут начальника.

— Дан, ты пугаешь меня. Во что ты там вляпался?

— Помнишь Хавьера Мору? Хави?

— Ну как же...

— Так вот, его убили. И полиция — некий Менендес и его приятель Сола — шьет мне это дело. Пако о них, случаем, не рассказал?

— Все уши прожужжал. Как заявится домой мрачный — значит, опять эти мерзавцы нагадили. Или я чего-то не понимаю?.. Ну скажи мне на милость: на кой черт новой власти это франкистское отребье?

— Значит, сделаешь, как я просил? Пепа, милая, как выкрою время — обязательно перезвоню.

— Слушай, как они втравили тебя в эту гадость? Нет, тут что-то не так...

— Пепа, я уже скормил автомату почти всю мелочь, ты только...— И тут телефон отключился.

VIII

— Дан, дружище! Какими ветрами?

Всякое у нас с ним бывало, но при любом раскладе обиду друг на друга мы не держали. Хосе Игнасио Ортега, главный редактор журнала «Рок-экспресс», являл собой как бы олицетворение гарантий: и профессионал отменный, и в темных дебрях нынешнего рока умел сыскать солнечную прогалину, где разместились бы все желающие — и журнал в киосках не залеживался. Жаль только, из финансовых неурядиц 70-х годов «Рок-экспресс» выполз каким-то усушенным, поскучневшим, и о проблемах музыки стал рассуждать с таким насупленным видом, словно раз навсегда испугался обвинений в дилетантстве. Да и сам Ортега здорово с тех пор изменился: шутки в стенах его кабинета как-то не умещались. Знакомы мы с ним были давно и, несмотря на серьезные разногласия во взглядах на музыку, с пиететом относились друг к другу. Вот и сейчас на вытянувшейся за его спиной полке я углядел пару томов моей энциклопедии рока.

— Убили Хавьера Мору, и мне пришлось заняться этим делом. Ты же знаешь, газета — дама всеядная.

Сказал — и тут же пожалел об этом: если мужчина плачет, ничего уже не поправишь. Я сидел, окаменев, и чувствовал себя нравственным недоноском.

А он, чуть только пришел в себя, первым делом помянул Джона Леннона.

— Ей-богу, Дан, это тоже дело рук какого-нибудь маньяка. Страшно стало жить на этом свете...

— Помоги мне, Хосе. Мне надо найти этого ублюдка.

— Вот черт. Ну а с чего начать?

— Работа в «Карма Дискос», кажется, добавила Хави недругов и проблем.

— Проблем, говоришь? — Он жестко усмехнулся.— Бьюсь об заклад, еще попляшут на его могиле. Ох попляшут! Ты же знаешь, как он относился к работе, а уж авгиевы конюшни Сантаканы отдраил, можно сказать, до зеркального блеска. А куда деваться тем, кто в одночасье оказался на улице? Но главное — Мора здорово поприжал кое-кого из верхушки, а ведь там, сам знаешь, крепкие связи наработаны...

— А может, здесь замешаны страсти иного рода?

— Чья-то юбка, ты хочешь сказать?

— Рядом с Хави вечно кто-то вертелся.

— Помнится, еще в Мадриде, разведясь с женой, он завел интрижку со своей секретаршей, но сюда, в Барселону, приехал один. Обещал ей, что вызовет, как только обустроится, а сам тем временем закрутил с другой. Зовут ее Эли... Да-да, Эли Бустаменте.

— Что он о ней рассказывал?

— Так... пустяки, ничего особенного. Вроде бы она была манекенщицей, но работу пришлось оставить: попала в автокатастрофу. Другая на ее месте господа бога восславила бы — за то, что отделалась легким испугом, а Эли втемяшилось в голову, будто лицо ее обезображено шрамами. Клянусь, сколько я ни приглядывался, ни одного не заметил.

— Где найти эту манекенщицу?

— Хави пристроил ее в рекламное агентство «Паблиуэй». Она там числится специалистом по связям с прессой.

— Значит, Хави всерьез ею увлекся?

— Хавьер мне как-то сболтнул, что Эли, конечно, любовница хоть куда, но жить с ней — упаси бог. И, сдается мне, Хави уже с месяц как перестал с ней встречаться.

— Это что же, придется искать еще одну?..

— Право, не знаю,— пожал плечами Хосе.

— Кто-нибудь в курсе его последних похождений?

— Понятия не имею. Он никогда не трепал имена близких.

— А что ты посоветуешь мне, Хосе?

— Поищи Эли. Может, она даст какую зацепку?

IX

Я звонил из всех автоматов — занято, занято, занято... Либо Эли Бустаменте увлеклась беседой, либо попросту сняла трубку, чтобы не общаться ни с кем. Вскоре я входил в подъезд респектабельного дома. Ничего не скажешь, женщина, от которой ушел Хави, жила на широкую ногу.

А она и в самом деле была хороша! Величавые, строгие черты лица, надменная линия рта. Глаза светились той безмятежностью, в которой таится характер расчетливый, твердый, эгоцентричный.

— Что вам угодно? — холодно поинтересовалась она, отбрасывая со лба прядь роскошных белокурых волос.

— Видите ли, я друг Хави,— начав так, я рассчитывал, что дальнейшая наша беседа будет протекать уже в квартире.— Скажите, вы давно его не видели?

— С месяц, пожалуй... Точно не помню. Послушайте, мне сегодня нехорошо, я даже не вышла на работу. И если вас не затруднит...— Она взялась за ручку двери.

— Хави мертв.

— Что, что?!

— Его убили.

Господи, сколько раз еще мне суждено пройти через это?

— Вы уж простите, но... правда, нужно поговорить.

— Я даже не знаю, как вас зовут...

— Рос, Даниэль Рос.

В прихожую, куда она отступила, свет проникал только с лестницы, но все равно видно было, как внезапно синюшной бледностью покрылось ее лицо.

— Так вы и есть... Рос? — Она поджала губы.

— Ну да, он самый,— мне стало как-то не по себе.

— Хави часто о вас рассказывал,— она вновь овладела собой.— Что ж мы стоим? Идемте.

Походя Эли закрыла дверь в спальню, откуда пялилась неубранная постель, и мы очутились в просторной комнате — оформление ее назойливо повторяло уже пройденную нами в передней тему: бесконечные портреты хозяйки — в масле, в гуаши, графике, акварели...

Предложив мне кресло, Эли с ногами забралась на диван и, закутавшись в плед, приготовилась слушать.

— Мне почти нечего вам рассказать. Известно лишь, что Хави нашли дома с простреленной грудью. Расследование только началось.

— А кто подсказал вам мой адрес? Хави рассказывал вам о нас?

— Да,— соврал я.— Так, в общих словах.

— И что же вам от меня нужно?

— Я знаю, что причиняю вам боль, но другого выхода просто нет, время не терпит... Дело в том, что мы довольно давно не виделись. В общем, расскажите о Хави, каким вы знали его.

— Я не совсем понимаю...

— Я — журналист, веду полицейскую хронику. И мне важно сейчас разобраться, что же там произошло.

— А полиция, интересно, чем занята?

— Они делают свое дело, я — свое. Так вы поможете мне?

Ох, как поджимает время. Если дела и дальше так пойдут, у меня есть все шансы прямо здесь повидаться с Менендесом, а тогда моя шкура и сантима не будет стоить. И насколько Эли будет со мной откровенна — это тоже еще вопрос: ведь они с Хави порвали. Не исключено, правда, что Ортега ошибся, и тогда...

— Мы с Хави перестали встречаться,— она словно услышала мои мысли.— И, боюсь, я мало чем могу быть вам полезна.

Дело плохо. Но не уходить же с пустыми руками — все равно полиция узнает, что я был здесь.

— Не знаю уж, что побудило вас к этому,— зачастил я, боясь, что вот-вот укажут на дверь,— но сейчас, пожалуй, важнее другое. Вы и сейчас на него в обиде?

— Он причинил мне боль, а кому хочется бередить раны? Он просто не мог подолгу жить с одной женщиной. Даже если она его любила, так что...

На глаза ее навернулись слезы, и видно было, каких усилий ей стоило сдержать их.

— Я слишком поздно поняла это...

— А как вы с ним познакомились? — Честно говоря, меня это не особо интересовало, просто надо было как-то подвести ее к другим вопросам.

— Он выбрал меня на обложку одного из музыкальных альбомов. Кто-то ему проболтался об автомобильной катастрофе, но он настаивал на своем, мы переговорили, и я согласилась... В последний раз. Больше мне позировать не пришлось — вы же знаете о моем несчастье,— она выразительно провела рукой по идеально гладкой щеке.— Ну, потом он мне позвонил, назначил свидание...

— Это он устроил вас в «Паблиуэй»?

— Да. У меня была сильнейшая депрессия, а он помог опять обрести вкус к жизни. Я привязалась к нему. А потом...

— Что — потом? — Я не перебил ее, просто она вдруг сама оборвала фразу.

— В один прекрасный день в Барселоне появилась его секретарша. То есть бывшая секретарша, последняя любовь Хави. Он обещал, что, когда здесь устроится, позвонит ей в Мадрид. А тут у нас начался роман, и Хави уже не знал, как сказать ей, что между ними все кончилось. Девица ждала, ждала, а потом, видно, почуяв неладное, взяла и примчалась сюда на самолете. Разыскала его квартиру — и как снег на голову... Застав там нас вместе, закатила истерику. В конце концов она пообещала убить его.

— Ну и как зовут эту фурию?

— Лали Энрикес...— чуть запнувшись, сказала она и тут же добавила: — И не расспрашивайте больше о ней, все равно я ничего не знаю. И знать не желаю.

Что ж, гордость — не порок. Ах, если б только в тот день ее одолело женское любопытство...

— Но, надеюсь, не эта сцена стала причиной вашего разрыва?

— Эта, не эта... Какая разница?

— Вы поругались?

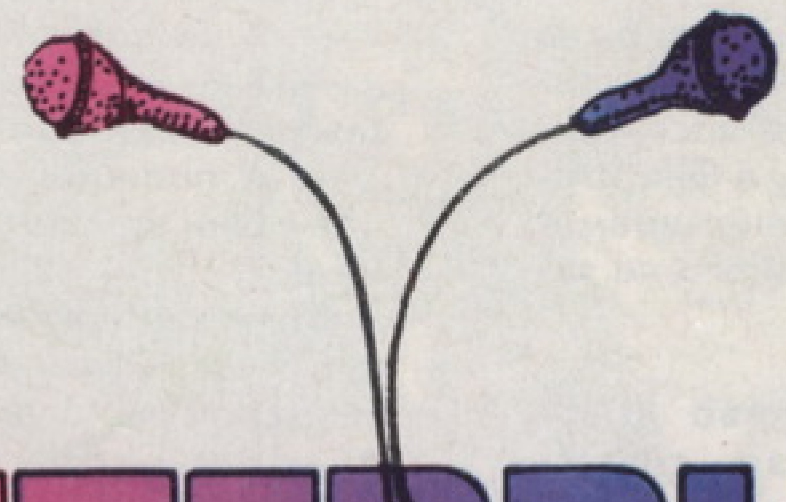
— Нет, он просто ушел с другой. Хави ни словом не обмолвился своей экс-секретарше о моем существовании, а потом точно так же обошелся со мной. Просто спустя пару недель наши отношения заметно поостыли, и не моя в том вина. А вскоре он позвонил и сказал, что никогда у нас уже ничего не будет.

— И как же вы поступили?

Перевел с испанского Н. ЛОПАТЕНКО
Рисунок Александра КОЛОМАЦКОГО

Продолжение следует

ИНТЕРВЬЮ с самим собой

(ИРОНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Курт ТУХОЛЬСКИЙ,
немецкий писатель

«Господин Пантер просит вас!» — сказал слуга.

Я приблизился.

Высокая дверь, ведущая в кабинет Мастера, отворилась, слуга откинул портьеру — я вошел, и дверь закрылась за мной.

Массивная фигура Мастера за письменным столом: этот человек, которого вполне можно было бы назвать толстым, выставил на обозрение свой ухоженный величественный профиль, некоторый недостаток которого составлял двойной подбородок. Буйная шевелюра торчала во все стороны, в чистых глазах-кнопках было приятное, довольное чувство. Он поднялся.

«Я приветствую вас, молодой человек,— сказал он мне.— Усаживайтесь-ка и объясните, что значит ваше странное письмо!»

Я смущенно сел.

«Вы спрашиваете в своем письме,— сказал Мастер и положил свою толстую руку с отполированными ногтями таким образом, чтобы я видел ее,— не соглашусь ли я дать вам совет на будущее. Вы добавляете, что одержимы высоким стремлением к идеалу. У вас столкновения с жизнью, которая кажется вам состоящей из углов — это ваши слова,— и вы хотели бы получить мой совет. Хорошо, молодой человек, вы получите его!»

Я поклонился с благодарностью.

«Но прежде,— сказал Мастер,— кто вы по профессии?»

«Я никто»,— сказал я и смутился.

«Гм,— издал Мастер и задумчиво покачал головой.— Зачем же вам тогда совет? Но все-таки... я в вашем распоряжении».

«Маэстро,— сказал я и собрался с духом.— Научите меня, как достичь успеха. Как вы сами достигли успеха? Такого успеха? — И я указал на комфортабельно обставленный кабинет: книги с золотым тиснением стояли на громоздких полках, бронзовая настольная лампа излучала уютный приглушенный свет, а широкая пепельница, стоявшая передо мной, была из мрамора с черными прожилками.— Откуда все это?» — спросил я.

Мастер странно усмехнулся.

«Успех? Вы хотите знать, как я достиг успеха, молодой человек? Молодой гордец! А так: я подчинялся!»

«Никогда я не пойду этим путем! Никогда!» — сказал я выразительно.

«Вы должны пойти этим путем,— сказал он.— И пойдете. Чем вы занимались во время войны?»

«Я на ней был,— сказал я и посмотрел на мыски моих сапог.— Сапером».

«Это ошибка,— сказал он.— Если бы вы были прилежным мальчиком и разбирались в жизни, вы бы сидели где-нибудь в другом месте: в пресс-отделе, в политической полиции, я не знаю где. Вы слышали, что такое компромисс? Умеете ли вы заключать сделки?»

«Никогда!» — вскричал я.

«Вы должны заключать сделки. Вы будете их заключать. Посмотрите на меня: я спелый плод компромиссов. Надо продвигаться в жизни, мой юный друг!»

«Но истина? Но идеалы? — вскричал я громче, чем было прилично.— Но то, во имя чего стоит жить? Буря и натиск живы во мне, и я хочу, чтобы так оно и оставалось! Убийство звать убийством, даже тогда, когда над ним развевается чье-то знамя, карьериста карьеристом, даже если он тайный советник; банду бандой, даже если за ней стоит весь город! Вот оно, чего я хочу! Помогите мне! Укажите мне путь, как мне осуществить мои планы себе на благо и — я верю в это — на благо всему человечеству».

Я говорил в восторге; мои щеки пылали, мои губы были приоткрыты и немного дрожали.

Мастер усмехнулся. Великий Мастер Петер Пантер усмехнулся.

«Мой дорогой юный друг! — начал он.— Слушайте меня внимательно. И я разделяю ваши благородные чувства. Они делают вам честь. И я хочу, чтобы человечество было таким благородным, каким вы хотите его сделать. И я тоже — я вполне могу так сказать — представитель добра, истины и красоты. Я люблю добро, истину и красоту, да, я почитаю их. Но, мой юный друг, дела обстоят сурово! Надо считаться с реальностью, надо умно подчиняться, когда это необходимо...»

«Я не люблю подчиняться»,— перебил я его упрямо.

«Вы будете подчиняться. Вы должны подчиняться. Придет день, когда и вам понадобится зарабатывать деньги, и вы подчинитесь. Это же так легко. Это же так приятно: маленькая уступка, легкий кивок головой, крошечное извращение принципов, и вот вы уже всеми любимый, уважаемый, дружески принимаемый молодой человек! Вы хотите этого?»

Я презрительно покачал головой.

«Ну-ну,— мягко сказал Мастер.— Подумайте, что вы делаете! Вы захотите жениться, создать семью, дом — и вы должны будете подчиниться. Что вы и все прочие имеете с этих принципов, с того, что вы упрямо держитесь за истину или за то, что вы называете этим словом? А посмотрите на меня: чего мне все это стоит? Я хорошо отношусь ко всем людям, я говорю «Да» там, где бы вы, наверное, стали возмущенно кричать «Нет», и я умею молчать. Молчание бесценно. Молчание — это жемчужина в короне человеческих искусств. Молчите!»

«Я должен говорить!» — сказал я громко.

«Вы ничего не должны. Господи, да кто же это должен! Молчите, подчиняйтесь! Подчиняйтесь деньгам и подчиняйтесь славе, подчиняйтесь власти — ей в первую очередь — и подчиняйтесь женщинам — и что же будет вам наградой?»

Он откинулся назад и сыто засмеялся.

«Я живу,— продолжал он,— как вы видите, на широкую ногу, и я вполне доволен. В моем доме бывают священники и врачи, офицеры и люди искусства — и никого из них я не обижаю в моих сочинениях, и каждый получает у меня бутылку доброго красного вина. Вы думаете, я не вижу, что кроется за всем этим? Но меня это не тревожит. Вы читаете меня, покупаете мои книги — чего же мне еще? Разве я нанялся говорить правду, неудобную, суровую правду?»

«Все мы призваны говорить человечеству правду!» — сказал я.

«Я — нет,— сказал Мастер.— Я — нет. Я расторг этот договор, и с тех пор у меня все в порядке. С тех пор у меня есть все, что мне нужно, больше, чем мне нужно; моя дочь в скором времени выходит за фабриканта. Да».

«Жениться ли мне?» — спросил я.

«На той, кого вы любите,— нет, потому что я подозреваю: у нее нет денег. Женитесь на дочери богатого человека; жить будете на маленькой вилле — но все-таки на вилле! Вы курите?»

«Нет,— сказал я,— я не курю, я...»

«А надо бы вам курить! — сказал он дружелюбно.— Это успокаивает. И послушайте меня, который стоит на вершине лестницы, по которой вы намерены взойти. Успех — это все. Вы можете достичь его множеством способов: компромиссом, молчанием, послушанием и лестью у стариков. Поймите это, и тогда вы — человек с положением в жизни! А это так приятно — быть человеком с положением!»

Он жирно сиял и выглядел как мим после аплодисментов.

Я поднялся и вопросительно и возбужденно посмотрел на него.

«Сегодня вы еще будете со мной спорить,— сказал Петер Пантер.— Но через тридцать лет уже нет. Подумайте, чтобы не было поздно! Будьте здоровы, и пусть дела у вас идут хорошо!»

Я пожал протянутую мне руку и выбежал вон.

Там, за дверьми, сидел Мастер за своим роскошным министерским письменным столом и, смеясь, качал головой. «Уж эта мне молодежь,— сказал он.— Они хотят головой пробить стену и быть хитрей, чем наш брат. Ну что ж, научиться можно только на собственных ошибках! А теперь не выпить ли мне чаю? Франц!»

И он позвонил.

Но тут, у решетки, огораживающей сад, стоял я, сжимая рукой чугунную ручку калитки, сотрясаемый ненавистью, пожираемый яростью, чуть ли не в обмороке, с ядом зла в душе и с сознанием того, что он прав по меньшей мере в том, что касается его самого.

И я сказал: «Мерзкий тип».

Перевел с немецкого
А. ПОЛИКОВСКИЙ

Рисунок Елены ШУРЛАПОВОЙ

НОВЫЙ ТАРЗАН

Кристофер Лэмберт известен среди наших мальчишек как «новый Тарзан» — да, он тот самый герой англо-американского фильма «Грейсток. Легенда о Тарзане, предводителе обезьян», снятого режиссером Хью Хадсоном по знаменитой серии романов Эдгара Берроуза. А еще он — Горец в одноименном фильме, где его партнерами были знаменитые Шон Коннери и Роксанна Харт. И в «Тарзане», и в «Горце» ему приходилось вдоволь демонстрировать всю мощь своих хорошо тренированных мышц, мало чем уступающих шварцнеггеровским, потому так и зачаровал он мальчишечьи сердца.

Крисом Лэмбертом его зовут в Голливуде, куда он уехал несколько лет назад. А дома, во Франции, его звали Кристоф Ламбер, а если уж совсем правильно, то Ламбер Ламбо, ибо таково его настоящее имя. И берущие у него интервью французские журналисты непременно осведомляются: почему это вы уехали из Франции! (Оказывается, французы тоже ревниво относятся к соотечественникам, работающим за рубежом.) На что Ламбер неизменно отвечает, что профессиональный актер ничем не отличается от профессионального спортсмена: никто ведь не упрекает, например, французских теннисистов, играющих в других странах!

Вообще-то «зарубежная жизнь» началась для него рано: с самого рождения. Он родился в Нью-Йорке в 1957 году — его отец был послом Франции в Организации Объединенных Наций. Жил с родителями в Швейцарии, Лондоне и Риме. Родители, пытавшиеся сделать из него крепкого правительственного чиновника, даже устроили его на работу в один из лондонских банков, и Ламбер, не желая ссор, надел костюм клерка. «Но я уже с двенадцати лет ощущал себя совершенно взрослым человеком, желавшим жить по-своему,— вспоминает он.— И, как ни странно, родители это поняли».

Вернувшись в Париж, он вместе с тремя друзьями — просто так, потому что они собирались туда поступать,— отправился на вступительные экзамены на актерское отделение Парижской консерватории. Из четверых приняли его одного. «Я хотел сначала забрать документы — мне было неудобно перед приятелями».

Он сравнительно рано начал сниматься — сначала во французских полицейских боевиках («Бар с телефоном», 1980 год, режиссер Клод Барру, «Грязная работа», 1981 год, режиссер Ален Бонно): мужественный молодой парень с пронзительным взглядом глубоко посаженных голубых глаз идеально подходил для такого рода фильмов. Режиссеры видели в нем «второго Бельмондо».

Но мировую известность принес ему «Тарзан» — этот фильм выгодно отличается от предыдущих киноверсий легенды (да, пожалуй, и от самого романа тоже) глубиной и драматизмом. Тарзан Ламбера — не просто лихо скачущий по ветвям атлет, а человек, поставленный перед сложным и трагическим выбором между жестоким, но естественным миром джунглей, и таким прекрасным, зовущим, но не менее жестоким миром людей.

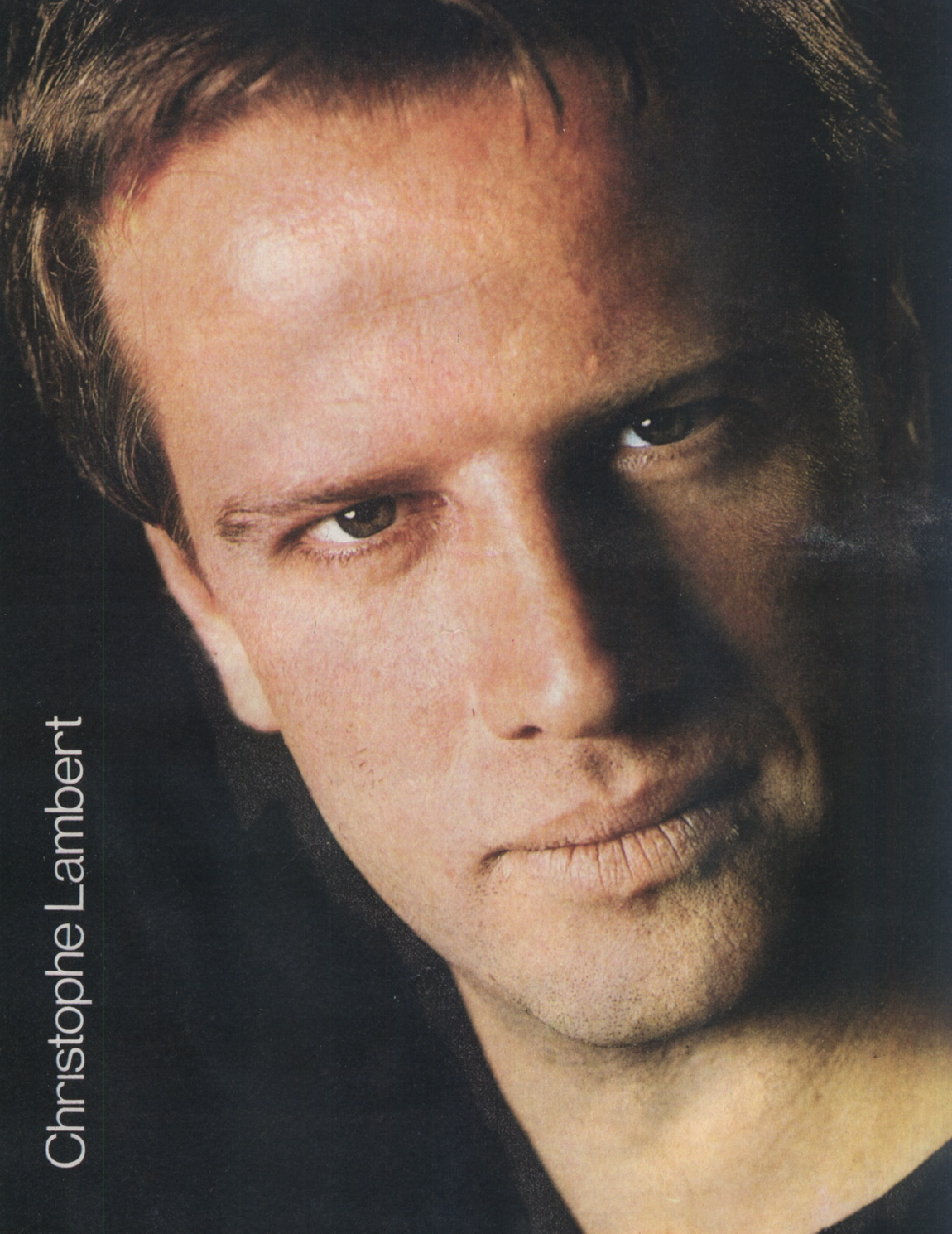
За этой работой последовали съемки во Франции — с Катрин Денев в картине «Слова и музыка» и с Изабель Аджани в фильме «Подземка» (см. «Ровесник» № 8 за этот год). В этом фильме — полукомедии, полутрагедии — с невероятным, но вполне лежащим в русле всего повествования концом — Ламбер играет «оторвавшегося» от общества человека, чье прошлое неведомо, а будущее столь же неясно. Уход в «подземку», в жизнь парижского метро — это как провал во времени и в пространстве, прыжок в свободу. Мы предполагаем, что там, «наверху», у героя все было прекрасно, ибо появляется он в подземном мире в смокинге, явно с какого-то светского раута. Но здесь, под землей, он наконец на месте, он свободен, и даже пуля его не берет...

После этого он во Франции уже не снимался. Сыграл в фильме Майкла Чимино (специализирующегося на гангстерских фильмах) в роли сицилийца Сальваторе Джулиано. Герой его — натура сложная, противоречивая. Стремясь принести народу счастье, он приносит людям лишь кровь и беды. Развязанный им террор вызывает ответную волну, захлестнувшую самого Джулиано.

Стремление к правде, к справедливости движет и Джулиано, и Расселом Нэшем, героем «Горца», и Грейстоком-Тарзаном. Это, пожалуй, основная линия Ламбера в кино.

Сейчас он снялся во второй серии «Горца». А дальше! В одном из интервью Кристоф Ламбер сказал, что его мечта — работа с умственно отсталыми детьми. Его мать уже в зрелом возрасте закончила факультет психологии, чтобы заниматься с такими ребятами. «Отцу не удалось сделать из меня дипломата, а вот то, чем занимается мать,— это дело. И прекрасное дело. Я знаю, как она переживает за каждого своего подопечного и какую любовь встречает в них. Это — настоящая профессия».

М. ПИРУС

Christophe Lambert

ОХОТНИКИ ЗА ПРИВИДЕНИЯМИ

США. 1989 г. 1 ч. 45 мин. Реж. Айвен Рейтман, сцен. Хэролд Рэмис и Дэн Эйкройд. Комп. Рэнди Эделман. В ролях: Билл Мюррей (Питер), Дэн Эйкройд (Рэй), Хэролд Рэмис (Винсент), Сигурни Уивер (Дайана Берретт), Рик Моранис (Луис) и др.

Кто видел первую часть картины, выпущенную в 1985 году, без сомнения, помнит чрезвычайно забавных в своей серьезности охотников за наводнившими Нью-Йорк привидениями. В новом фильме им предстоит задача более сложная, чем погоня за призраками,— нужно предотвратить нашествие зла и ни много ни мало конец света. Противником «охотников» становится молдавский (!) «князь тьмы» Виго, а союзником — ...статуя Свободы.

Несмотря на столь солидных героев, фильм явно слабее первой серии и грешит повторами. Но все равно смешно.

DEATH WISH IV
Жажда смерти

США. 1987 г. 1 ч. 34 мин. Реж. Дж. Ли Томпсон. В главных ролях: Чарльз Бронсон, Кэй Ленц и др.

Любители этого сериала уже знают, что герой Чарльза Бронсона, мирный архитектор, выходит на тропу войны с преступностью, потому что в самой первой серии хулиганы убили его жену, а во второй серии, так и не оправившись после потрясения первой, умирает его дочь. Надо сказать, что в свое время этот сериал наделал в США немало шума — не столько своим качеством, сколько поднятой проблемой: имеет ли право рядовой гражданин брать на себя функции правоохранительных органов, которые не справляются с задачей, и самолично, нарушая закон, мстить обидчикам! Потому, кстати, в одной из серий те же органы все же наказывают «мстителя», но к следующей выпускают из тюрьмы: симпатии обывателя все же на стороне героя Бронсона. А тут еще банда совсем затерроризировала район, в котором живут в основном пенсионеры да обремененные большими семьями работяги. И наш герой, конечно, в одиночку делает то, с чем полиция либо не может, либо не хочет справиться.

СЛЕЖКА STAKE OUT

США. 1987 г. 1 ч. 55 мин. Реж. Джон Бэдхэм. В ролях: Ричард Дрейфус (Крис Ликси), Эмилио Эстевес (Билл Реймерс), Ричард Монтгомери, Эйдан Куинн, Мария Макгайр, Мэделайн Стоун и др.

Итак, мы имеем дело с обыкновенным полицейским фильмом: Крису Ликси и Биллу Реймерсу поручено следить за домом женщины, к которой вроде бы должен явиться сбежавший из тюрьмы опасный преступник. В общем, детектив как детектив, где «хорошие парни» обязательно поймают «плохого мальчика», и не было б никакого смысла обращать на него ваше внимание, если бы примитивность темы не спасал юмор режиссера и великолепная игра актеров. Детективы-то наши — неудачники и постоянно влипают в разные невероятные ситуации. Да и это в кинематографе не новость, но блистательная игра Дрейфуса и Эстевеса, их постоянная насмешка над самими собой доставляют огромное удовольствие зрителю. Кстати, советуем обратить внимание на Эмилио Эстевеса — это новая звезда американского кино.

THE SPY WHO LOVED ME
ШПИОН, КОТОРЫЙ МЕНЯ ЛЮБИЛ

Великобритания. 1977 г. 2 ч. Реж. Льюис Джилберт. В ролях: Роджер Мур (Джеймс Бонд), Барбара Бах (майор Амазова), Ричард Киль («Челюсти»), Курд Юргенс (Карл Штромберг) и др.

Итак, агент-007. Великолепный Роджер Мур, умеющий одним лишь движением брови и поворотом головы показать абсурдность и пародийность ситуации, красавица Барбара Бах (между прочим, жена Ринго Старра) — советская шпионка, влюбленная в нашего героя (поскольку непонятно, кто в кого первым влюбился, то название можно перевести и как «Шпионка, которая меня любила»), вселенский злодей в исполнении Курда Юргенса, с которым, в лучших традициях периода разрядки, сражаются и наши, и «ихние», наш генерал с комсомольским значком на лацкане, помощник злодея «Челюсти», способный перекусить хребет акулы... Короче, полный набор. Право слово, нас так давно запугивали агентом-007, что стоит посмотреть этот фильм, чтобы понять: бояться-то нечего! Все это просто смешно — на чем и настаивают создатели фильма.

Сумасшедший Макс III
MAD MAX III

США — Великобритания — Австралия. 1985 г. 1 ч. 35 мин. Реж. Джордж Миллер. В ролях: Мэл Гибсон, Тина Тернер, Энгри Андерсон и др.

Этот фильм — продолжение «Сумасшедшего Макса» 1979 года и «Воина дальних дорог» 1982 года. Как вы помните, герой первого фильма полицейский Макс Тански по прозвищу «Безумец» вступает в противоборство с бандой мотоциклистов-убийц и одерживает победу. Но страшной ценой — теряя друга, жену, ребенка.

Две другие серии продолжают эту тему — тему сражения с выродками рода человеческого в деградирующем после ядерной катастрофы обществе. «Сумасшедший Макс» вывел австралийского актера Мэла Гибсона в первые ряды молодого поколения киноактеров, а его работа с Тиной Тернер в третьей серии — «Сумасшедший Макс вне Купола Грома» — показала, что Гибсон способен и на роли с более тонким психологическим рисунком.

FRANTIC
На грани безумия

США. 1987 г. Реж. Роман Полански, в ролях: Гаррисон Форд, Бетти Бакли, Джон Махоуни, Эммануэлль Сигнер.

Слишком долго откладывавшаяся премьера этого фильма сопровождалась массированным «обстрелом» критики, сошедшейся, правда, на том, что фильм ну совершенно «хичкоковский». Даже в том смысле, что единственная задача фильма — о чем зритель догадывается, разумеется, только в самом конце,— показать с помощью отработанного «ужасного» рецепта, как исчезнувший из вида Полански вновь возвращается к людям, то есть к зрителям после коммерческих неудач.

Да, как видно, велика еще сила ужасного, если одна только роль Гаррисона Форда, играющего типичного спокойного американца, каким его представляют в Европе, наивного империалиста, попадающего в передряги и легко переживающего насмешки (а ничего другого, заслуживающего внимания, в фильме, кажется, нет), дала надежду на успех. Впрочем, мы, слава богу, этой магии имени Г. Форда не подвержены и можем судить о фильме непредвзято.

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 коп.